

ДРАКОНИЙ ЛУГ

*Изобретательно
и оригинально...
Великолепная
и умная история.
Филип Пулман*

Скарлетт Томас

Скарлетт Томас

Драконий луг

Серия «Миротрясение»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27345654

Скарлетт Томас. Драконий луг: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-100780-5

Аннотация

Это наша Земля после миротрясения. Земля, лишенная Интернета и мобильных телефонов, застывшая в технологиях на уровне начала 1990-х годов и чувствующая приближение магии. Во время миротрясения Эффи потеряла свою маму, и теперь за ней присматривает дедушка. Когда же он попадает в больницу после жестокого нападения, то завещает Эффи свою коллекцию редких магических книг. Но библиотеку покупает странный антиквар по имени Леонард Левар, и в попытках вернуть ее девочка столкнется с самым опасным приключением в своей жизни. Она отправится в таинственное Иномирие, откроет истинную магию книг, а также столкнется с настоящим драконом и Дибери, ужасающим тайным обществом, угрожающим всей Вселенной. И остановить его может только Эффи со своими друзьями... Пока не стало слишком поздно.

Содержание

1	6
2	13
3	26
4	38
5	50
6	61
7	72
8	81
9	89
10	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Скарлетт Томас

Драконий луг

Эта книга – для Рода, который отвел меня на Драконий луг, когда мне это было нужнее всего, и показал выход из зачарованного замка. А ещё – для Молли, замечательной первой читательницы, напомнившей мне, что я всегда мечтала стать писательницей.

Мы сами – переменные в уравнении, ноты в аккорде, так что гармония или дисгармония зависит от нас самих.

Роберт Луис Стивенсон

Собери силы духом разума.

Теренс Уайт

Scarlett Thomas

DRAGON'S GREEN

The Worldquake Sequence, Book 1

© Scarlett Thomas, 2017

© Галина Соловьева, перевод, 2017

Jacket illustration copyright © 2017 by Erwin Madrid

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Восхитительно... Один из самых эффектных романов фэнтези, который я когда-либо встречал.

Нил Гейман

Самый захватывающий дебют в детской литературе со времен «Гарри Поттера». Лукавая, озорная, милая и одновременно по-настоящему захватывающая книга.

Джоанн Харрис

Эта книга – настоящий фейерверк... с особым, оригинальным стилем.

The Guardian

Яркий и свежий роман, изобретательный и афористичный.

Sunday Telegraph

1

Миссис Бойкарга Хайд¹ была для детей настоящим ночным кошмаром. Высокая, тощая, с необыкновенно длинными пальцами, острыми, как прутики ядовитого дерева. Её голова над высоким воротничком черной футболки походила на планету, извергнутую из враждебной вселенной, а лицо на фоне толстых твидовых костюмов неземных красно-розовых тонов всегда выглядело бледным, как холодная луна. Никто не знал, длинные ли у неё волосы – она всегда стягивала их в пучок на затылке. Зато они были цвета черной дыры – нет, даже трех, а то и четырех черных дыр вместе взятых. Пахло от неё цветами, каких в обычной жизни нигде не увидишь: эти очень-очень синие цветы растут только высоко в горах, пожалуй, на тех же безжизненных высотах, что и деревья, чьи прутики так напоминали её пальцы.

Во всяком случае, такой она виделась Максимилиану Андервуду в тот розоватый, засыпанный палыми листьями последний понедельник октября.

От одного её голоса иной слишком нежный ребенок расплакался бы – и даже от одного воспоминания об этом голосе, среди ночи или в скрипучем школьном автобусе в дождь-

---

¹ Большинство персонажей повести носят фамилии известных писателей, но у миссис Бойкарги фамилия одного из героев рассказа Р. Л. Стивенсона «История доктора Джекила и мистера Хайда».

ливый день. Миссис Бойкарга Хайд внушала такой ужас, что ей доверяли только старшие классы. Больше всего ее восхищали те сюжеты, где встречалась безвременная и насильственная смерть. Особенно она любила греческий миф о поедании Кроном своих детей. На прошлой неделе класс Максимильяна готовил проект по этому мифу: младенцев-богов мастерили из папье-маше.

На самом деле миссис Бойкарга Хайд просто заменяла у них постоянную учительницу мисс Дору Райт, которая пропала после победы на конкурсе рассказов. Одни говорили, что мисс Райт сбежала на юг, чтобы стать писательницей. Другие – что её похитили из-за этого рассказа. Вряд ли это было правдой, ведь действие её рассказа происходило в замке, принадлежавшем совершенно иному миру. Так или иначе, она пропала, и сейчас перекличку проводила эта высокая, внушающая страх заместительница.

А Ефимия Трулав,² больше известная как Эффи, отсутствовала на уроке.

– Ефимия Трулав, – в третий раз вызвала миссис Бойкарга Хайд. – Опять её нет?

Почти все ученики первой английской группы первого класса школы Тузиталы³ для одаренных, трудных и стран-

---

² Фамилия семейства Трулав переводится с английского как истинная или настоящая любовь.

³ *Тузитала (рассказчик историй)* – имя, данное туземцами Самоа писателю Р. Л. Стивенсону.

ных детей (школа с перекрученными серыми шпильями, протекающими крышами, с давней и славной историей называлась иначе, но по некоторым причинам стала известна под этим названием) понимали, что миссис Бойкарге Хайд лучше вообще ничего не говорить, поскольку, что ни скажи, окажешься виноват. На её уроках надо было сидеть тише мыши, когда в комнате кошка, и молиться, чтобы тебя не заметили.

Даже самые «трудные» ученики первого класса, попавшие в первую группу обманом, благодаря скрытым талантам или по воле случая, знали, что свои проблемы на уроках миссис Хайд лучше держать при себе. Они отыгрывались на переменах, колотя друг друга сильнее обычного. Большинство «странных» находили свои способы защиты. Например, Врана Уайльд, дочь знаменитой писательницы, как раз сейчас накладывала на себя заклинание невидимости из найденной на чердаке книги. Пока что невидимость распространилась только на её карандаш. Другая девочка, Алекса Флакон, или Лекси, вспомнив уроки отца, который вел группы йоги, просто ввела себя в состояние глубокой медитации. Все вели себя очень смиренно и очень тихо.

Только Максимильтян Андервуд, как говорится, не схватил фишку.

– У неё, миссис, – сказал он, – дедушка в больнице.

– И? – взгляд миссис Бойкарги Хайд вонзился в Максимильтяна лучами, смертельными для таких беззащитных созданий, как бедняга Максимильтян, для которого школьная

жизнь была непрекращающимся адом из-за его имени, очков, новенькой (безупречно отглаженной) формы и глубоко-го неумемного интереса к теориям миротрясения, случившегося пять лет назад.

– В нашем классе нет места больным дедушкам, – произнесла миссис Бойкарга Хайд убийственным голосом. – А также умирающим родственникам, жестоким родителям, съедающим выполненное задание домашним питомцам, севшим от стирки школьным формам, потерянным завтракам, аллергиям, СДВГ,⁴ депрессиям, наркотикам, алкоголю, задирам-сверстникам, всякой поломанной технике... мне безразличны, вернее сказать, мне *глубоко* безразличны все страдания и несчастья вашего ничтожного детства.

Голос её усиливался от жуткого шепота до рева:

– ЧТО БЫ НИ СЛУЧИЛОСЬ, МЫ ТИХО ВЫПОЛНЯЕМ ЗАДАНИЕ И НЕ ПРИДУМЫВАЕМ ОПРАВДАНИЙ.

Класс – вплоть до бесстрашного футбольного защитника Вольфа Рида – содрогнулся.

– Что мы делаем? – потребовала она ответа.

– Мы выполняем задание и не придумываем оправданий! – хором продекламировал класс.

– А как мы выполняем задание?

– Мы выполняем его на отлично!

---

⁴ *Синдром дефицита внимания и гиперактивности* – медицинский диагноз, который часто ставят непоседливым или рассеянными детям. Эффективное лекарство от него неизвестно, но с возрастом обычно проходит.

– А когда мы приходим на урок английского?

– Вовремя! – пропел класс, начав было успокаиваться.

– НЕТ! КОГДА МЫ ПРИХОДИМ НА УРОК АНГЛИЙСКОГО?

– За пять минут? – пропел хор. А если вам кажется, что пропеть вопросительный знак невозможно, то могу сказать, что они очень старались.

– Хорошо. А если что-то не получается?

– Мы должны быть сильными.

– А что случается со слабыми?

– Их наказывают.

– Как?

– Переводят во вторую группу.

– А что означает перевод во вторую группу?

– Поражение!

– А что может быть хуже поражения?

Здесь класс замялся. За прошедшую неделю они всё узнали о поражениях и переводах во вторую группу, научились никогда не жаловаться, не оправдываться и извлекать глубоко скрытые резервы внутренней силы (умение жутковатое, но вполне пригодившееся некоторым особенно трудным детям) и приходиться не просто вовремя, а за пять минут до начала. Что, конечно, невозможно, если вас на пять минут позже отпустили с пары по математике, или если за два часа физвоспитания Вольф со своей командой регбистов «до 13-ти» спрятал ваши брюки за старой водопроводной трубой.

– Смерть? – рискнул кто-то.

– ОТВЕТ НЕПРАВИЛЬНЫЙ.

Все затихли. Муха прожужжала по классу, опустилась на стол Лекси, а оттуда переползла ей на руку. На уроках миссис Бойкарги Хайд каждый молился, чтобы муха не села ему на руку, чтобы солнечный луч не осветил его стол, чтобы – ужас-ужас! – его новенький пейджер не бипнул, сообщая, что мама нашла забытый дома завтрак или заедет за тобой после школы. Тут взмолишься, чтобы это был не твой стол, не твой пейджер. Чей угодно, только не твой!

– Ты, девочка, – кивнула миссис Хайд. – Итак?

Лекси, как всякий после выхода из глубокой медитации, только и могла, что хлопать глазами. Она понимала, что эта неправдоподобно высокая дама о чем-то её спрашивает, но...

Она не знала ответа, да и вопроса-то не слышала. Может, учительница спросила, что она делает? Лекси снова моргнула и сказала первое – единственное, – что пришло в голову:

– Ничего, мисс.

– Прекрасно. Верно! НИЧЕГО не может быть хуже поражения. Получаешь награду!

И вот до конца урока Лекси, только и мечтавшей, чтобы её оставили в покое, пришлось сидеть с золотой звездой, приколотой к зеленому школьному джемперу, а бедняге Максимилиану, так и не понявшему, в чем он провинился, торчать в углу в дурацком колпаке, пропахшем плесенью и дохлыми

мышами, потому что это был настоящий, подлинный дурацкий колпак из тех времен, когда учителям разрешалось ставить вас в угол в дурацком колпаке.

А сейчас не разрешается? Может быть, и нет, но не сказать, чтобы ученики миссис Бойкарги Хайд выстраивались в очередь, спеша на неё пожаловаться. Максимильтян, хоть и был одним из самых «одаренных», часто оказывался последним в группе, а теперь ему ещё и грозил перевод во вторую. Хуже приходилось только Эффи, но её-то здесь не было.

2

Ефимия Трулав, которую на самом деле звали Ефимия Форзац Седецим Трулав, но чаще называли Эффи, почти не помнила матери. Аврелия Трулав исчезла пять лет назад, когда Ефимии исполнилось всего шесть. Исчезла той ночью, которая всем запомнилась миротрясением.

В стране, где жила Эффи, во время миротрясения почти все спали – было три часа ночи. Но в других, далеких, странах эвакуировали школы и срочно приземляли самолеты. Сотрясение продолжалось семь с половиной минут – очень долго для обычных землетрясений, которые длятся всего несколько секунд. Из морей вылетала рыба, деревья выворачивало из земли, как цветы из цветочных горшков, а кое-где прошли дожди из лягушек. Почему-то в целом мире никто не погиб.

Кроме матери Эффи.

Может быть. А может, она не погибла, а просто сбежала по какой-то причине? Этого никто не знал. После миротрясения перестали работать почти все мобильники, отказал интернет. Несколько недель царил полный хаос. Если Аврелия Трулав и хотела послать мужу и дочери сообщение, то не сумела бы. А может, её сообщение затерялось. Технологически мир был отброшен примерно на уровень 1992 года. Виртуальный мир пропал. Его вскоре заменила мерцающая

система «Доски объявлений» (на которую выходили через древние телефонные модемы), а тем временем люди пытались понять, что им делать. Они надеялись, что понемногу все придет в норму.

Не пришло.

После миротрясения для Эффи очень многое изменилось. Мать она потеряла, а отца университет повысил в должности – то есть ему пришлось работать ещё больше, а платить стали меньше, – и некому оказалось за ней присматривать, поэтому она много времени теперь проводила у дедушки, Гриффина Трулава.

Гриффин Трулав был глубоким стариком с очень длинной седой бородой, он жил в запущенной квартирке на верхнем этаже старого Пасторского дома в самой мрачной, безрадостной и самой древней части Старого города. Прежде Гриффин был весельчаком и так часто поджигал себе бороду, что привык держать под рукой стакан воды для тушения. Но с Эффи в первые месяцы он почти не разговаривал. Ну, если не считать разговором: «Пожалуйста, ничего не трогай» и «Будь умницей, посиди тихо!»

После школы Эффи проводила в его квартирке по много часов, разглядывая – но не трогая – содержимое необыкновенных старинных шкафчиков и буфетов, пока дедушка курил трубку, писал что-то в большой черной книге и почти не замечал внучки. Она его даже не боялась. Он казался таким отсутствующим и был так занят своей черной книгой,

каждые пять минут сверялся со старыми рукописями, написанными на языке, которого Эффи нигде больше не встречала. До миротрясения Эффи иногда приходила сюда вместе в Аврелией, и тогда дедушка Гриффин, блестя глазами, рассказывал о своих путешествиях или показывал Аврелии какую-нибудь новую вещь или книгу, которую отыскал. Теперь он почти не выходил из комнаты. Эффи думала, что дедушка, наверно, очень грустит по своей дочери. Эффи тоже грустила.

Шкафы Гриффина Трулава были полны странных вещей из шелка, стекла и драгоценных металлов. Были тут два серебряных подсвечника, все в драгоценных камнях, и стопка тончайших вышивок с изображениями цветов, плодов и людей в ниспадающих одеяниях. Были причудливые керосиновые лампы и резные шкатулки черного дерева с маленькими латунными замочками, но без ключей. Были большие и маленькие глобусы известных и неизвестных миров. Были звериные черепа, изящные ножи и несколько грубо вырезанных деревянных мисок с маленькими ложечками. В одном шкафу были сложены карты, тонкие белые свечи, толстая желтоватая бумага и бутылочки синих чернил. В другом лежали мешки засушенных роз и других цветов. В угловом шкафу стояли банки – множество банок с семенами, углем, красноземом, спрессованными листьями, воском для печатей, обточенными морем стеклышками, сусальным золотом, сухими черными веточками, палочками корицы, янтарной крош-

кой, совиными перьями и разными маслами ручного отжима.

– Ты умеешь делать чудеса, дедушка? – спросила Эффи примерно через год после миротрясения. Других разумных причин держать у себя эти странные вещи она не находила. Про магию Эффи читала в книгах Лорель Уайльд, рассказывавших об учениках школы волшебников. Все дети – и даже некоторые взрослые – втайне мечтали пойти в эту школу, научиться колдовать и становиться невидимками.

– Делать чудеса каждый умеет, – спокойно ответил ей дедушка.

Эффи прекрасно знала (из книг Лорель Уайльд), что колдовать умеют только особые люди с врожденными способностями, поэтому она заподозрила, что дедушка над ней подшучивает. Но с другой стороны...

– А ты сделаешь? – спросила она.

– Нет.

– А ты веришь в чудеса?

– Не важно, верю я в них или не верю.

– Как это, дедушка?

– Помолчи, детка, мне нужно работать над рукописью.

– А можно посмотреть твою библиотеку?

– Нет.

И Эффи снова принялась разглядывать застекленный шкафчик со множеством каменных флакончиков, заткнутых черными пробками, и несколькими ручками из настоящих

перьев. Время от времени она подходила к узкой лестнице на чердак, где была библиотека, и пробовала дверную ручку, но дверь всегда была заперта. Сквозь голубое дверное стекло ей были видны высокие стеллажи со старинными книгами. Почему ей нельзя зайти посмотреть? В конце концов, взрослые вечно твердят, что дети должны читать.

Правда, взрослые хотят, чтобы дети читали те книги, которые они одобряют. Отец Эффи, Оруэлл Форзац (у него была другая фамилия, потому что Аврелия твердо решила остаться Трулав, с тем чтобы дочь унаследовала семейное имя), запретил ей книги Лорель Уайльд, ещё когда готовилась к выходу шестая книга серии. Потому что, по его словам, он не хотел, чтобы она имела дело с магией, и это было весьма странно, учитывая, что отец не верил в волшебство. А однажды, когда он слишком много выпил, Оруэлл велел Эффи держаться подальше от магии, потому что она «опасна». Но разве может быть опасным то, чего не существует? Эффи этого не понимала. Но дед не поддавался на её расспросы о магии, и Эффи стала спрашивать о другом.

– Дедушка, – спросила она однажды в среду, как раз накануне своего одиннадцатого дня рождения. – На каком языке написано то, что ты читаешь? Я понимаю, что ты переводишь, но откуда этот манускрипт?

– Ты знаешь, что я перевожу? – дед кивнул и даже как будто улыбнулся. – Умница.

– Но какой это язык?

– Росианский.

– А где говорят на росианском?

– Очень-очень далеко отсюда.

– Там творят магию?

– О, детка, сколько раз тебе повторять: сейчас магию творят все.

– Как?

Дед вздохнул.

– Ты когда-нибудь просыпалась утром с одним, но очень большим желанием: чтобы сегодня не было дождя?

– Да.

– И как, желание сбывалось?

Эффи стала вспоминать.

– Не знаю.

– Ну, дождь-то шел?

– Нет. Кажется, нет.

– Ну, вот ты и сотворила чудо. Bravo!

В книгах Лорель Уайльд магия действовала совсем иначе. В её книгах тот, кто хотел остановить дождь, должен был произнести особое заклинание. Заклинание покупали в лавке, и ещё надо было, чтобы кто-то тебя ему научил. И ещё...

– А если дождь и не собирался?

Дед снова вздохнул.

– Ефимия, я обещал твоему отцу...

– Что обещал?

Гриффин снял очки. Тонкая старинная оправа из сереб-

ра блеснула на свету. Дед потер глаза и взглянул на внучку так, словно, отдернув занавеску, увидел незнакомый, залитый солнцем сад.

– Я обещал твоему отцу не учить тебя никакому волшебству. Особенно после того, что случилось с твоей матерью. И ещё кое-кому я обещал, что пять лет не буду творить никаких чудес, и не творил. Хотя... – он взглянул на часы, – пять лет истекают в следующий вторник. Тогда начнется самое интересное.

Он захихикал, раскуривая трубку.

– Ты шутишь, дедушка?

– О боже, детка! Нет. С чего бы мне шутить?

– И тогда ты будешь учить меня магии? Настоящей? Со следующего вторника?

– Нет.

– Почему нет?

– Потому что обещал твоему отцу, а я держу слово. Кроме того, весьма влиятельные люди не одобряют обучения детей магии – за исключением той, которой учат они сами. Но, если хочешь, я могу обучать тебя языкам. Научу переводить. Для этого ты, пожалуй, уже достаточно взрослая. И пора уже, наверное, показать тебе библиотеку.

Библиотека Гриффина Трулава располагалась в квадратной комнате с высоким потолком, сплошь отделанной полированным темным деревом. На маленьком столике стояла лампа из зеленого стекла, но вместо патрона в ней была под-

ставка для свечи. (Теперь многие читали при свечах, ведь лампочки стали тусклыми и такими дорогими!) В комнате слабо пахло кожей, благовониями и свечным воском. Тяжелые толстые тома были переплетены в кожу, бархат или тонкую ткань разных оттенков красного, лилового и синего цветов. Страницы были кремового цвета, испещренные угольно-черными буквами старинного шрифта. В книгах рассказывалось о приключениях в неведомых странах.

– Есть одно-единственное правило, Ефимия, и я прошу тебя, дай слово, что всегда будешь ему следовать.

Эффи кивнула.

– Читай не больше одной книги одновременно и всегда оставляй её на столе. Очень важно, чтобы я знал, какую книгу ты читаешь. Понятно? И никогда не выноси книги из библиотеки.

– Я обещаю, – сказала Эффи. – А эти книги... волшебные?

Дедушка нахмурился.

– Детка, все книги волшебные. Подумай, что делают книги с людьми. Люди воюют из-за того, что прочли в книгах. Люди верят «фактам» только потому, что они записаны. Люди выбирают политическую систему, переезжают в одно место, а не в другое, бросают работу и отправляются на поиски великих приключений, любят и ненавидят. Всякая книга обладает огромной властью. А власть – это магия.

– Но эти книги точно волшебные?..

– Здесь только последние издания, – сказал Гриффин. – Многие собирают первые издания – потому что это редкость. Последние издания – ещё большая редкость. Когда вырастешь, поймешь почему.

И больше он ничего не стал говорить.

Следующие несколько месяцев промелькнули быстрее, чем предыдущие пять лет. Дедушка снова стал уходить, как он говорил, «на поиски приключений». Иногда, вернувшись из школы, она заставляла деда стягивающим тяжелые коричневые сапоги и сбрасывающим с плеч потертый кожаный мешок вместе с матерчатым кошельком. Однажды Эффи подсмотрела, как он укладывает необычную на вид коричневую палочку в потайной ящик большого письменного стола, но на вопрос внучки дед цыкнул и велел ей заняться переводами.

Эффи быстро овладела росианским и теперь занималась другим языком – старым гибридно-английским. Она мечтала о приключениях – вроде тех, о которых читала в книгах из дедовой библиотеки, в которых пришлось бы по-росиански спрашивать, сколько стоит поставить лошадь в конюшню на выходные, или на гибридно-английском – какие опасные создания бродят в этих лесах по ночам. (Каково чудище хищно в нощи рыщуще?) Ещё она мечтала о чудесах, но чудес так и не видела. Снова застав деда над потайным ящичком – на сей раз он прятал прозрачный кристалл, – Эффи снова спросила его:

– Дедушка, в этом ящике хранятся волшебные вещи?

– Волшебные? – задумчиво повторил он. – Хм, ты все так же интересуешься волшебством. Так вот, я бы сказал, что магию переоценивают. Ты пойми – нельзя всегда – или даже часто – полагаться на чудеса, особенно в этом мире. Магия дорого обходится и трудно дается. Запоминай, Эффи, это важно. В этом мире, если хочешь вырастить дерево, сажаешь в землю семя, поливаешь, держишь в тепле и ждешь, пока росток увидит солнце. А не прибегаешь к магии, потому что магия для такого сложного дела – сотворения жизни, ни больше, ни меньше! – не просто лишняя трата сил. Она вовсе не нужна. Со временем, думается, ты увидишь много странного и удивительного – такого, что сейчас и вообразить не можешь. Но всегда помни: многое из того, что ты видишь каждый день, – например, как росток прорастает из семени, – и удивительнее, и сложнее, чем самая сложная магия. К магии ты будешь прибегать очень редко, поэтому прежде овладей другими умениями.

– Какими другими?

– Языками. И... – дед в задумчивости обмакнул бороду в стакан с водой, хоть она и не горела. Потом стал медленно ее выжимать. – Может быть, пора тебе учиться магическому мышлению. Прежде чем заниматься магией, надо научиться магически мыслить. Сколько, говоришь, тебе лет?

– Одиннадцать.

– Хорошо. Завтра же и начнем.

Первое задание по магическому мышлению оказалось

невероятно сложным. Гриффин отвел внучку в прихожую своей квартиры и показал три электрических выключателя.

– Каждый из них, – сказал он, – включает определенную лампу. Один – верхний свет в библиотеке, второй – лампочку возле моего кресла, и третий – свет в шкафу для вина. Я чаще всего пользуюсь этим светом и чаще всего забываю его выключить, выходя из дома. Электричество теперь так дорого, да ещё огромные штрафы, если случится потемнение, поэтому я поставил эти выключатели у самой двери, на выходе. Как ты понимаешь, отсюда не видно, где какой выключатель гасит свет. Тебе надо выяснить, какой из них управляет какой лампой. С одним условием: здесь ты можешь делать, что хочешь, но пойти и посмотреть, горят ли лампы, можно только один раз, и при этом включенным можно оставить только один выключатель. Выйдешь, когда будешь уверена, что знаешь ответ. Второй попытки не будет.

– Значит, мне нельзя щелкнуть выключателем, а потом сходить посмотреть, какая лампочка включилась? А потом вернуться и попробовать другой, чтобы запомнить, какой где?

– Нет. Это было бы слишком просто. Когда будешь готова ответить, расскажешь, как ты это узнала. Самое интересное и есть это «как?».

– Значит, наудачу тоже нельзя?

– Нельзя. Прибегни к магическому мышлению.

– Но как же мне...

– Если решишь верно, получишь приз, – сказал Гриффин.

– Какой приз?

– Вот тогда и узнаешь.

С тех пор, выходя из старого Пасторского дома, Эффи каждый раз останавливалась под выключателями и пыталась разгадать головоломку. Ответ все не находился. Эффи терпеть не могла сдаваться. Она просила дедушку дать подсказку, но он ни разу не пошел ей навстречу. Вместо этого в перерывах между ее переводами подкидывал ей новые задачи на магическое мышление. Некоторые были похожи на шутки или загадки.

– Например, – сказал ей Гриффин за пару недель до поступления в школу Тузиталы, – представь, что человек не очень сильно бросает мяч, и вдруг мяч меняет направление и возвращается к нему в руки. Он не ударяется о стену или обо что-то другое, нет ни нитки, ни веревки, которая его притягивает. Как это возможно без магии?

Эффи думала целый день, и все-таки сдалась.

– Скажи ответ, дедушка! – взмолилась она уже перед самым уходом домой на ночь.

– Он бросил мячик вверх, детка.

Эффи расхохоталась. Ну, конечно! Вот это шутка!

Но дед не смеялся.

– Ты должна ухватить алгоритм прежде, чем подступишься хотя бы к азам магии, – сказал он. – Ты должна научиться думать. А времени у нас, кажется, не так уж много.

– Ты о чем? Почему времени не много?
Но дедушка не ответил.

3

В тот октябрьский понедельник Эффи утром не пришла в школу из-за того, что случилось в предыдущую среду. Отец Эффи, Оруэлл Форзац, как обычно, заехал за ней домой к деду, но не стал ждать в машине, а одолел два пролета и поднялся в квартиру Гриффина.

Эффи отослали в библиотеку «заниматься», но она болталась в коридоре, пытаясь подслушать разговор. Она чувствовала: что-то происходит. За неделю до этого Гриффин неожиданно пропал на три дня, так что ей после школы приходилось возвращаться прямо домой и, вместо того, чтобы заниматься с дедом, помогать мачехе Кайт нянчить маленькую сестричку Луну.

Оруэлл Форзац носил когда-то золотой шелковый галстук-бабочку и кружил мать Эффи в вальсе по тесной кухне под песни на забытых языках, которые он когда-то преподавал. Но не прошло и двух лет после исчезновения Аврелии, а он уже начал встречаться с Кайт. Потом в университете изменились порядки, его повысили в должности, а это означало темный костюм, часто с именной табличкой, и поездки на конференции по таким темам, как «Условия обучения в реале» и «Возвращаясь к перу и бумаге».

– Опять то же самое, – говорил отец в ту среду. – Мне написала твоя дурацкая группа Меча и Колдовства. Якобы ты

обучаешь их «запретным вещам». Не знаю, что это должно означать, но в любом случае прошу прекратить.

Гриффин долго молчал.

Потом сказал:

– Они не правы.

– Мне все равно, – возразил Оруэлл. – Я просто прошу тебя прекратить.

– Ты никогда не верил в Иномирье, – сказал Гриффин. – И ты считаешь гильдейское управление просто сложной игрой. Хорошо. Предположим. Тогда что тебе за дело, чему я учу? Какая разница, что они скажут?

– Опасным может быть и то, чего не существует, – напомнил Оруэлл.

– Верно, – тихо согласился Гриффин. – Но я всего лишь прошу тебя мне поверить. Я не иду против Гильдии. Эффи ничего не грозит. По крайней мере не больше, чем каждому в нынешнем мире.

В комнате долго было тихо.

– Никогда не понимал, куда на самом деле пропадает Аврелия, когда уходит, по её словам, в «Иномирье», – заговорил Оруэлл. – Но уверен, что все было намного ближе к реальности, чем её выдумки. Собственно, я уверен, что она просто связалась с другим мужчиной, возможно, из этой нелепой «Гильдии». Да, знаю, ты веришь в магию. И, может быть, иногда она работает – эффект плацебо, или... Слушай, я не законченный циник. Конечно, Аврелия хотела, чтобы

я во все это поверил, но я так и не смог. Не в той мере, о которой она говорила.

Эффи услышала шаги: наверно, её отец расхаживал по комнате. И продолжал говорить.

– И я не знаю, где теперь Аврелия. Я смирился с её уходом. Возможно, она умерла или живет с другим. Сказать по правде, не знаю, что лучше. Но дочери я не позволю связываться с людьми, которые испортили её мать. В этом мире полно чудаков, психов, отребья. Мне это не нравится. Ты меня понимаешь?

Гриффин вздохнул так громко, что Эффи услышала из коридора.

– Послушай, – начал он. – Дибери... они...

Оруэлл громко выругался. Судя по звуку, налетел на что-то, может быть, на стенку. Несколько тихих слов Эффи не расслышала. Потом он воскликнул:

– Не желаю слышать о ДИБЕРИ! Они НЕ существуют! Я уже говорил, что...

– Ну тогда тебе не понять, что происходит, – холодно ответил Гриффин.

В ту же ночь его нашли без сознания, окровавленного, едва живого, в переулке на западном краю Старого города, рядом с пассажем Забав. Никто не знал, что привело его в эту часть города, и не представлял, что с ним случилось. Кайт предположила, что старик заблудился и попал под машину.

– Со старыми маразматиками такое случается, – сказала

она. Но Гриффин не страдал маразмом.

Его увезли в ближайшую больницу. На следующий день и через день Эффи вместо школы навещала деда. Тот каждый день просил её принести то одно, то другое из его комнаты. В первый раз – тонкую коричневую палочку, которую при ней прятал в потайной ящик (теперь он назвал её «жезлом» и произнес это слово так, что Эффи показалось: она слышит его впервые), в другой раз – прозрачный кристалл. Ещё она принесла ему бумагу и чернила, очки и нож для конвертов с костяной ручкой.

В субботу Эффи застала дедушку сидящим на кровати. Он что-то писал или пытался написать. Сестра Андервуд, мать Максимильяна, который учился с Эффи в одном классе, все время вмешивалась: проверяла Гриффину пульс и давление, записывала показания на табличке в ногах кровати. Гриффин так ослабел, что едва произносил по одному слову за несколько минут. Он кашлял, хрипел и морщился от боли при каждом движении.

– Это М-кодициль, – с трудом объяснял он Эффи. – Для тебя. Мне надо его закончить, а потом... Ты отдашь его Пеламу Лонгфелло – он мой душеприказчик. Ты его найдешь, найдешь его в... – бедный Гриффин задохнулся. – Это очень важно, – он сильно закашлялся. – Я потерял свою силу, Ефимия. Я всё потерял из-за... Постарайся спасти библиотеку. Все мои книги – твои. И вещи. Жезл. Кристалл. Все, что останется после... В завещании это указано. Не думал, что

так скоро. И отыщи Дра...

Дверь открылась, вошел Оруэлл, спросил тестя, как он себя чувствует.

– Нам пора идти, – спустя несколько минут сказал он дочери. – Скоро потемнение.

Потемнения случались по несколько раз в неделю. В это время запрещалось пользоваться электричеством. Ещё бывало, что по неделе кряду совсем отключалась полуживая телефонная сеть – ей нужен был отдых. Вот почему почти все теперь носили с собой работающие на радиоволнах пейджеры.

– Хорошо, только... – начала Эффи. – Подожди немножко.

Оруэлл неловко потрепал Гриффина по плечу.

– Удачной операции завтра, – сказал он и обратился к дочери: – Я подожду снаружи. У тебя три минуты.

Эффи смотрела на дедушку – он ведь собирался сказать что-то важное. Пусть бы ещё раз попробовал!

– Ро... Ролло, – выговорил Гриффин, едва Оруэлл скрылся. Потом он долго молчал, собираясь с силами. И притянул Эффи к себе, чтобы только она слышала его слова.

– Ищи Драконий луг, – тихим шепотом выговорил он. И повторил на едва узнаваемом росианском: «Парфен друик» – Драконья зелень. Что бы это значило?

– Без кольца не ходи, – продолжал Гриффин и взглядом указал на свою дрожащую руку. На мизинце Эффи увиде-

ла серебряное колечко. – Раздобыл его для тебя, Ефимия, – сказал Гриффин, – когда понял, что ты настоящая... настоящая... – Кашель скомкал последнее слово. – Я бы отдал его сразу, но оно нужно мне, как и остальные мои подмоги, чтобы попытаться... попытаться... – опять кашель. – Ох... бесполезно. Кодициль. Пелам Лонгфелло объяснит. И раздобудь столько подмоги, сколько сумеешь.

– Я не понимаю, – расплакалась Эффи. – Не оставляй меня.

– Не дай дибери победить, Ефимия. Как бы трудно ни было. Ты можешь больше, чем даже я... Надо было раньше все объяснить, но я считал тебя маленькой, и дал слово, и дурацкая гильдия позаботилась... Присмотри за моими книгами. Я их все оставляю тебе. Остальное не так важно. Сохрани только то, что приносила мне сюда, и книги. Ищи Дра... ох, магия слишком сильна. Она все еще не дает мне...

– Какая магия? О чем ты?

Но дед закашлялся, и с минуту не мог успокоиться. Потом простонал:

– Я не вернусь, милая. На этот раз не вернусь. Но мы наверняка ещё встретимся. Запомни последнее... – Гриффин снова перешел на шепот. – Ответ, – он долго молчал, – тепло.

* * *

Проснувшись в понедельник, Эффи сразу почувствова-

ла, что случилось страшное. Отец поздно ночью связался с больницей, потом уехал на своей машине. Эффи упрашивала взять её с собой, но он велел оставаться дома и ждать известий. Известий не было. В довершение всего, мачеха Кайт поднялась в пять утра и ещё до зарядки под видео повыбрасывала в мусорный бачок все, что в доме было съедобного. Даже не в кухонное ведро, а... – «Подальше от соблазна», как мрачно пояснила Кайт, обращаясь к маленькой Луне, которая ещё не умела говорить, – в уличный бачок.

Все повыбрасывала. Хлеб, крупы, хлопья. Весь джем. Все сосиски. И яйца. И сыр. И остатки мармелада, который им сварила на Рождество мисс Дора Райт (прежняя учительница Эффи, которая разрешала вне школы называть ее просто Дорой, до своего исчезновения жила в старом Пасторском доме этажом ниже Гриффина). Не осталось ни крошки шоколада – хотя и так шоколад и чипсы на завтрак едят только в крайнем случае. Ничего не осталось.

Кайт Куш-Форзац (она, выйдя замуж за отца Эффи, сохранила часть прежней фамилии) читала много книг по диете. Читала потому, что мечтала стать стройной и красивой, как телеведущая, хотя у неё была другая работа: розыск средневековых рукописей, о которых никто никогда не слышал. Последняя книга по диете называлась «Прямо сейчас!» и рассказывала, как жить на молочных коктейлях, не содержащих молока. Коктейли с этикеткой «Сбрось вес» рассылались по почте в больших ярких тубусах. К каждой упаковке

прилагалась бесплатная книжка: обычно любовные романы, на обложках которых изображалась привязанная к дереву, креслу или железнодорожным рельсам женщина. Эти романы Кайт теперь тоже читала в больших количествах.

По-видимому, руководство по диете (там имелась глава «Не дай детям-обжорам испортить твою талию!») подсказало Кайт именно сегодня повыбрасывать отличную еду – еду, которая хоть немножко утешает, когда тебе грустно и тревожно, – и угостить Эффи, которая обычно сама себе готовила завтрак, стаканом зеленовато-бурой жижи, на вид как грязь с травяной крошкой. Или даже хуже – как то, что льется из тебя, когда болеешь желудочным гриппом. Это, как видно, и был «утренний коктейль». Мерзость! Впрочем, Эффи и не хотелось есть – слишком ей было тревожно.

Маленькая Луна тоже получила коктейль – ярко-розовый. И тоже не пришла от него в восторг. Розовые потеки на стене напротив её детского стульчика намекали, что стакан как минимум один раз уже летал через всю кухню.

– Потрясающе выглядит, верно? – заметила Кайт.

– Гм... – запнулась Эффи. – Спасибо. Папа не звонил?

Кайт состроила скорбную гримасу – не слишком правдоподобную.

– Он ещё в больнице.

– А мне можно туда?

Кайт покачала головой.

– Из школы звонили. Ты пропустила уже два дня на про-

шлой неделе. Мы с отцом это вчера обсуждали. Деду ты не поможешь...

– Что-то случилось?

Кайт так долго молчала, что Эффи поняла: да, случилось.

– Отец... – начала мачеха, – поговорит с тобой после школы.

– Кайт, пожалуйста, ты не отвезешь меня в больницу?

– Прости, Эффи, не могу. Твой отец... Эффи! Ты куда?

Но Эффи уже не было в кухне. Она прошла по узкому пыльному коридору в спальню, где жила вместе с Луной.

– Эффи? – крикнула вслед Кайт, но девочка не отозвалась. – Эффи! Вернись и допей свой коктейль!

Эффи не вернулась и не допила. Она торопливо натянула серо-зеленую школьную форму, застегнула бутылочно-зеленую фетровую накидку и ушла из дома, не попрощавшись. В школу можно потом, когда повидает деда.

Знакомым автобусным маршрутом она доехала до памятника Писателям и прошла по крутой улочке к Старому городу. Той же дорогой она ходила в школу: по булыжным мостовым, мимо пассажа Забав, музея Писателей, букинистического магазина Леонарда Левара и «Империи экзотических животных» мадам Валентин, но дальше, срезав дорогу через университетский парк, свернула не налево, а направо и направилась длинной дорогой к больнице, надеясь, что никто не обратит внимания на её форму и не спросит, куда она собралась.

Слово «кодициль» Эффи нашла в словаре: оно означало дополнение к завещанию. Пришлось ещё покопаться в словаре, чтобы разобраться, что это значит – о помощи Интернета теперь, конечно, мечтать не приходилось. Многие сохранили устаревшие словари на старых телефонах, но у Эффи был новый, подаренный на ее последний день рождения Гриффином. Во всех словарях – кроме самых новых – было много устаревших слов, вроде «блага» и «вай-фая». Все это существовало до миротрясения.

В конце концов, Эффи разобралась, что кодициль позволяет изменить завещание, а завещание – это юридический документ, в котором говорится, кому что достанется после чьей-то смерти. Тут Эффи вспомнила пьесу, которую они месяц назад читали с миссис Бойкаргой – про старого короля, который все время менял завещание, смотря по тому, кто, по его мнению, его больше любит.

Но зачем бы Гриффину сейчас менять завещание? Разве он умирает? Эффи все представляла, как дедушка лежит на больничной кровати, слабый и одинокий, и длинная борода выглядит такой жалкой и неуместной на хрустящих белых простынях. Эффи вспоминала, как он из последних сил писал свой кодициль, макая свое перо в бутылочку синих чернил, при виде которой сестра Андервуд каждый раз прицокивала языком. На больничном столике лежала кипа документов, которые Эффи забрала у него с письменного стола: желтоватая бумага и конверты, с виду дорогие, но ниче-

го особенного, пока не посмотришь на просвет. А вот тогда увидишь тонкие водяные знаки в виде большого дома за запертыми воротами. У Гриффина Трулава вся бумага была с такими водяными знаками.

На прошлой неделе Эффи впервые одна вошла в дедушкину комнату. Она ей совсем не понравилась. Не те звуки, не те запахи – она подскакивала при каждом шорохе. Отопление отключили, так что в доме стоял смертельный холод. Эффи все представляла дедушку в том переулке и гадала, что его туда привело среди ночи. В больнице сказали, что его, должно быть, избili бандиты или случайная шайка подростков. Но Эффи сама была подростком, и не знала никого, кто мог бы напасть на ее дедушку.

А как же магия?

Ведь это как раз тот случай, когда надо прибегнуть к магии? Сколько ни говори себе, что магия скучна и сложна, сколько ни толкуй об ответственности за её использование и ни внушай, что сначала надо испытать все другие способы, но уж если на тебя напали, чуть не убили, ты наверняка, наверняка...

Что? Превратишь их в лягушек? В мальчиков-с-пальчик? Станешь невидимкой?

Эффи с горечью поняла, что так и не узнала от дедушки, на что способна магия. Зато узнала о многом, на что она не способна. Например: «Не жди, что с помощью волшебства сумеешь разбогатеть или прославиться». И ещё: «Магия не

поможет тебе отыскать в себе настоящую силу. Тебе – особенно». Как бы то ни было, дедушка не использовал магию для защиты от нападавших. Этого Эффи понять не могла.

Конечно, напрашивалось объяснение, что магии все-таки не существует. Так, видимо, считали почти все, даже те, кто читал книги Лорель Уайльд. Оруэлл Форзац всегда говорил, что чудес не бывает. Но в ту среду он сказал, что магия опасна, а значит, почти верил в неё. Как это понимать? Эффи в который раз задумалась, как нечто несуществующее могло отобрать у неё маму. Как выдумка может быть опасной? Более того, если магия реально опасна, почему Гриффин не защитился ею от нападения?

Больница приютилась в северо-восточном углу Старого города. Снаружи её окружала кованая ограда, а внутрь вела синяя дверь с медным молотком. Уставшая от долгой прогулки и чувствуя слабость от голода, Эффи вошла внутрь. Обычно за стойкой дежурила медсестра, но в этот понедельник тут никого не было, так что Эффи сама поднялась по лестнице и прошла по сумрачному коридору. Она отворила дверь в дедушкину палату с надеждой, что операция прошла успешно, что бы он ни говорил в субботу.

В палате было пусто. Нет, там стояла кровать, тумбочка у кровати и пустая ваза. Но ни дедушки, ни его вещей не было. У Эффи слезы навернулись на глаза. Нет, она, наверное, перепутала палаты? Или его перевели в другую? Или, может быть, может быть... Но это была та палата. На самом деле она в этом не сомневалась. И понимала, что это значит.

Следующее, что Эффи помнила, – это как ее привели в сестринскую кухню, где кто-то налил ей горячего шоколада, а она старалась не расплакаться при всех, и одна сестричка сказала ей, что дедушка отошел мирно, во время операции, и что выглядел счастливым – почти счастливым, как будто уже стоял у врат небесных.

– Где мой папа? – спросила Эффи.

Другая сестра объяснила, что отец пошел разбирать ком-

наты Гриффина в старом Пасторском доме. Она предлагала связаться с ним по пейджеру, но до Пасторского дома было недалеко, и Эффи сказала, что сама дойдет и увидится с папой. Вот так, внезапно, все и вышло. Ужасная пустота внутри. Вот только...

– Кодициль! – ахнула Эффи. – Где его кодициль?

Сестра нахмурилась.

– Что-что?

– И его вещи. Серебряное кольцо и... Там должен был остаться конверт для меня и ещё...

Сестра покачала головой.

– Прости, милая. Твой отец сказал, что ему ничего не нужно и чтобы все отдали на благотворительность.

– Как? Не понимаю.

– Так многие делают. Знаешь, оставляют все в распоряжении больницы. Говоришь, у твоего дедушки было кольцо?

– Да. Старинное, по-моему. Он хотел оставить его мне. И ещё вещи, очень важные вещи, и...

Сестра вздохнула.

– Если хочешь, я покажу тебе, куда мы все сложили, – она взглянула на часы. – Думаю, вещи ещё не увезли. Но надо поспешить.

Эффи вслед за сестрой вышла из главного здания и прошла через садик, полный увядающих в преддверии зимы шалфея и лаванды. За ним был маленький мощный дворик и старая лесенка с выщербленными ступеньками, ведущая в

каменный одноэтажный дом. На дверях было написано одно слово: «Благотворительность». Внутри лежала одежда, книги, будильники и много других вещей. Выглядело все это грустно. Эффи, которой хотелось поскорее сбежать отсюда, стала искать дедушкины вещи. Но их не было.

– Ну, – спросила сестра, – видишь свой конверт? И кольцо?

Эффи помотала головой.

– Я ещё разок проверю.

Сестра бросила по сторонам быстрый, чутьточку испуганный взгляд.

– Поторопись, пока не приехали из дома призрения.

Эффи не понравилось, как это звучит, но дедушкины вещи надо было найти. Она искала, искала и не находила. В конце концов глаза её снова наполнились слезами. Тогда Эффи поблагодарила сестру и ушла.

На улице было холодно, мягкий осенний свет не согревал. Эффи запахнула школьную накидку-пелеринку и быстро пошла к Пасторскому дому. Может быть, отец все-таки забрал вещи. Через пару минут она услышала за спиной дыхание. За ней кто-то шел. Эффи ускорила шаг, и человек за спиной тоже. А потом он вдруг шепнул её имя: Эффи! – ухватил за локоть и затянул в узкий переулок.

Это была сестра из больницы. Сестра Андервуд – мама Максимилиана. Она тяжело дышала и смотрела серьезно и строго. Приложив палец к губам, она взяла Эффи за руку,

раскрыла ее ладонь и положила серебряное кольцо с темно-красным камнем в оправе из множества миниатюрных драконов.

– Дедушкино кольцо! – узнала Эффи. – Спасибо вам! Я...

– Ш-ш-ш! – поспешно остановила её сестра Андервуд и зашептала: – Никому не говори. И уходи скорее. Придет человек из дома призрения – ему не понравится, что мы раздаем вещи. Смотри, чтобы он тебя не поймал.

Эффи спрятала кольцо в карман накидки и хотела было бежать, однако...

– А остальное?

Сестра Андервуд свела брови.

– Дедушка писал кодициль. При вас писал.

– Думаю, его забрал твой отец, – ответила сестра. – А что до остального... – она взглянула на часы.

Тут Эффи услышала другие шаги. Тяжелее, чем у сестры Андервуд, и громче. Потом появился мужчина.

– Ой, как хорошо, – воскликнула сестра. – Доктор Блэк, вы не?..

– Здравствуй, Ефимия, – сказал тот. – Я хирург, который оперировал твоего дедушку. Я сожалею о твоей потере. Я сделал все возможное, чтобы отправить его в Иномирье, но не знаю, добрался ли он.

Доктор Блэк достал из кармана широкого плаща матерчатый мешочек, стянутый веревочкой.

– Вот все, что осталось. Он очень хотел, чтобы это доста-

лось тебе, по понятным причинам. Беспокоился, как бы твой отец не перехватил и не уничтожил. Я надеялся тебя застать, но ты так быстро исчезла. Хорошо, что сестра Андервуд увидела тебя и сообщила мне. Конечно, очень важно, чтобы об этом знало как можно меньше людей.

Оглядев безлюдную улицу, доктор Блэк отдал Эффи мешочек.

– Удачи, – сказал он.

Не успела Эффи ни сказать спасибо, ни спросить, о каком Иномирье говорит доктор Блэк, как они с сестрой Андервуд уже поспешили прочь. Попадаться человеку из дома призрения Эффи не хотелось. Она заглянула в мешочек, увидела там жезл, кристалл, нож для конвертов и дедушкины очки и, старательно завязав, спрятала всё на дно школьного ранца. А потом пустилась бегом.

* * *

Когда Эффи подошла к Пасторскому дому, ей показалось, что там никого нет, в том числе и отца. Сунула руку под цветочный горшок, где прятали запасные ключи, но их там не оказалось. Заглянув в окошко, Эффи убедилась, что вещи мисс Доры Райт лежат так же, как она их оставила. Какой ужас – одного за другим потерять двух таких дорогих людей! Но мисс Дора Райт, конечно, вернется. Правда ведь? В окна верхнего этажа Эффи заглянуть не сумела. Остались ли на

месте дедушкины книги?

И тут внутри щелкнул ключ, дверь стала медленно открываться. Это был ее отец, бледный и уставший. Он засовывал в карман брюк визитную карточку кремового цвета, а дочь по рассеянности сразу не заметил. Потом увидел и переменялся в лице, медленно, как непогожий рассвет, наливаясь краской.

– Эффи? Ты почему не в школе? – он спохватился, потупил взгляд. – Ну, конечно. Ты уже знаешь про дедушку.

Когда-то Эффи с отцом были гораздо ближе, чем теперь. В былые времена подобная ситуация, вызывая смешанные чувства, заставила бы их говорить и говорить, перебивая друг друга, пока они все не выяснили бы. Эффи расплакалась бы, и тогда отец подал бы ей старомодный хлопчатый носовой платок. В те времена он ещё носил такие платки, Кайт ещё не заставила его повыбрасывать все старое, вплоть до золотых галстуков-бабочек, и закупить строгих костюмов, больше подходящих декану факультета лингвистики Нового Превосходного университета Миджара.

Прежде Оруэлл Форзац был из числа тех добродушных лекторов, что рассеянно дрейфуют по университету, влача за собой хвост меловой крошки и любознательных студентов, интересующихся забытыми языками и средневековыми рукописями. И Кайт в те далекие времена была просто одной из влюбленных в него студенток, а мать Эффи была жива, и всё было по-другому. До миротрясения Оруэлл был намного

добрее: тогда он обнял бы дочку – как бы ни был раздражен – и сказал, что все будет хорошо.

Теперь все по-другому. Оруэлл Форзац только громко вздохнул.

– Папа? – напомнила о себе Эффи.

Он нахмурился.

– Я просто хочу, чтобы ты иногда делала, что тебе говорят, только и всего. Мне тебя очень жаль – и всех нас. Конечно, все любили Гриффина. Но об этом можно будет поговорить позже, в более подходящее время, а не дрожа от холода на крыльце. Правила есть правила, их устанавливают не просто так, и соблюдать их надо в любом случае. А теперь... – он взглянул на часы, – я опаздываю на собрание, а ты уже СИЛЬНО опоздала в школу.

Кролик, сидевший все это время под живой изгородью, удивился, зачем люди так все усложняют. Почему бы не сгрызть вместе капустный лист и не жить дальше? У старшего человека была, как заметил кролик, очень сложная аура, но без тени магии. Аура младшего человека была настолько магической, что кролику ничего подобного ещё не попадалось, к тому же в ней имелся оттенок, которого в этом мире в общем-то не бывает. Поэтому кролику захотелось ей помочь – хотя он и не знал как.

– Дедушка Гриффин оставил мне кодициль, но в больнице его не нашли, – сказала Эффи. – Ты не знаешь, куда он подевался?

Оруэлл снова вздохнул.

– Послушай, Эффи, ты должна понимать, что твой дед отчасти жил в мире фантазий, среди людей, верящих в магию, иные измерения и тому подобное. Иногда такие фантазии можно перепутать с реальностью, но ты ведь понимаешь, что это не по-настоящему. В последнее время меня беспокоило, чему ты у него научишься. То, что Гриффин называл «магией», – в лучшем случае пустая трата времени, а в худшем...

– Он мне почти не рассказывал про магию. Говорил только, что все это очень сложно, и что всегда можно справиться другими способами.

– Ну, с этим я соглашусь. Но что бы он тебе ни наговорил о путешествиях в другие миры и битвах с дибери или как их там, мы с Кайт хотим, чтобы ты понимала, что это просто сказки, которые не следует воспринимать всерьез.

– А при чем тут Кайт? Она мне даже не мать.

– Эффи, прошу тебя! Мы уже говорили с тобой, что Кайт было бы обидно это слышать.

– Её здесь нет. Так что с моим кодицилем?

– Хорошо, скажу. Я уничтожил этот кодициль. Для твоего же блага. Я его не читал. Сжег на месте. Я хочу, чтобы эта чушь исчезла из нашей жизни навсегда. Тебе пора узнавать реальный мир, каков он есть, а не каким представляется свихнувшимся чудакам и безумцам. Возможно, ты не понимаешь этого сейчас, но когда-нибудь скажешь мне спасибо.

– Но ведь кодициль – это... юридический документ. Я

должна была отнести его... – Эффи вдруг решила не называть имя Пелама Лонгфелло. Отец, скорее всего, отмахнулся бы, как отмахивался от всего, связанного с Гриффином. – Должна была отнести его душеприказчику.

– Эффи, – снова вздохнул отец, – ты хоть знаешь, что такое М-кодициль?

Эффи сообразила, что не знает. Зато вспомнила, что дедушка так и сказал: «М-кодициль». Она покачала головой.

– М – сокращенное от «магический». Это дополнение к М-завещанию. Магическому завещанию. Говорят, что обычные люди, умирая, оставляют завещание, а волшебники – М-завещание. Они оставляют после себя заклинания или магические принадлежности, которых не внесешь в нормальное завещание. И заниматься такими завещаниями могут только магические душеприказчики. Вот кого ты собралась искать. Смешно – маг-нотариус!

– Но...

– Но это просто сказки. Фантазии. Вроде глупых сочинений Лорель Уайльд. А последние события показывают, как опасны бывают подобные фантасты. Я хочу, чтобы ты даже не приближалась к людям, с которыми был связан твой дед.

У Эффи слезы навернулись на глаза, но она не хотела, чтобы отец увидел её плачущей.

– Как ты мог? Кодициль предназначался мне!

– Тебе одиннадцать лет. Ты ещё слишком мала. Ты хоть представляешь, где якобы живут магические поверенные?

Представляешь?

– Нет.

– В «Иномирье». В другом измерении! Очередная сказка! Эффи посмотрела на верхние окна.

– Ну, а книги, которые оставил мне дедушка? Я думала, что буду заниматься его библиотекой...

– Этой свалкой переплетенного в кожу хлама? – фыркнул Оруэлл, уже забывший, с какой страстью он когда-то относился к редким книгам и рукописям. – Твой дед, как всегда, далек от реальности. Ради бога, куда нам девать такую библиотеку? Нам вчетвером и без того тесно. Какое он имел право внушать тебе, что ты сможешь оставить все эти книги? Можешь выбрать одну книгу на память о нем, Эффи. Это разумно.

– Как? Одну книгу? Но там редкие последние издания и...

– Не доводи меня, Эффи, иначе ни одной не получишь. Не понимаю, что с тобой происходит! Ты ведь была нормальным жизнерадостным ребенком, а теперь... Наверное, я сам виноват. Надо было найти тебе нормальную гувернантку, а не оставлять в когтях сбрендившего старика. В любом случае, постарайся взять себя в руки, отправляйся в школу и выкинь все это из головы. После школы можешь вернуться сюда – ровно в пять – и выбрать одну книгу, прежде чем придет человек из дома призрачения.

Опять этот человек!

– А потом мы с тобой поговорим о нашей горе. Думаю, у

Кайт найдется книга на эту тему...

Кроме книг по диетическому питанию, Кайт накупила кучу книжек по самопомощи. В них говорилось о том, что и так всем известно, или о том, что в здравом уме никому в голову не придет. В последние месяцы дом активно наполнялся такими книгами, изданными исключительно в «Спичка-пресс».

Эффи знала, что в таком настроении отец не станет её слушать. Придется идти в школу и придумывать, как спасти дедушкину библиотеку до пяти вечера. В крайнем случае, можно будет поплакать в туалете. А что до Пелама Лонгфелло... Он, очевидно, из Иномирья, куда, может быть, ушел и дедушка. Надо подумать, как туда попасть. Ей еще много о чем надо подумать! Эффи утерла слезы и взглянула на часы. Всего-то десять минут одиннадцатого. Если поспешить, она успеет в школу к концу пары по английскому. В школе, по крайней мере, можно согреться.

* * *

Когда Эффи ушла, кролик заметил, как отец ребенка положил под цветочный горшок металлический человеческий предмет – они называют его «ключ». Именно его искал ребенок с аурой необычного цвета. Может, он ей ещё понадобится? Когда мужчина ушел, кролик перевернул цветочный горшок и схватил ключ зубами. Потом он зарыл его глубо-

ко в землю: пусть лежит, пока не понадобится ребенку. Довольный собой, кролик поднялся и отправился снова грызть листья дикой клубники, которыми зарос колодец в дальнем конце Пасторского садика.

Миссис Бойкарга не любила многие вещи – непослушание, оправдания, слабости, детей, зато больше всего на свете она любила литературу. Она любила стихи и пьесы, романы и длинные эпопеи. Однако зрение у неё было уже не такое, как раньше, и она использовала любую возможность, чтобы заставить кого-нибудь читать ей вслух. Даже дети, читающие от-вратительно, лучше, чем ничего.

Поэтому единственное, что было хорошо на уроках миссис Бойкарги, особенно когда она отменила сочинения на вольную тему, это чтение пьес. Каждому ученику доставалась роль, и весь класс читал пьесу, занимавшую иногда несколько пар. Такие уроки почему-то никому не были в тягость.

Самые плохие ученики роли не получали или получали самую маленькую. Максимильяна это устраивало. А вот лучшим ученикам в классе давали главные роли и позволяли распределить все остальные. Лекси это не устраивало. Она не любила главные роли. Начиная книгу, она сразу решала, на кого из героев больше похожа (для неё это означало: кем из героев она будет), но главных никогда не выбирала. Случалось, она оказывалась младшей сестрой или лучшей подругой. Иногда кем-то полезным, вроде няни. Иногда она делала неверный выбор, и её персонаж умирал или больше не по-

являлся до конца книги. Но все равно это было лучше, чем играть главную партию.

А сейчас Лекси читала главную женскую роль в «Антигоне», это такая греческая трагедия. Прежде чем приступить к чтению, всем пришлось научиться выговаривать название. Его невозможно было правильно прочесть.

– Ан-Ти-га-ня, – уже почти правильно голосил класс на десятой минуте тренировки.

– НЕТ! – отрезала мисс Бойкарга.

– Ан-ти-Го-на! – попробовали снова.

– ХОРОШО!

После этого начали читать пьесу.

Антигона была именно такой героиней, которой Лекси быть не хотела. Её брат погиб в бою с другим ее братом, Антигона хотела его похоронить, но ей не давали. Потом её приговаривали к смерти. Пьеса была очень грустная – как говорила мисс Бойкарга, трагическая, а это нечто более серьезное, чем просто грустная. В трагедиях все мучили друг друга, а потом умирали. И ещё очень неловко было играть роль Антигоны, когда ты случайно выбрала Вольфа Рида на роль своего возлюбленного Гемона, который покончил с собой, узнав, что замурованная заживо Антигона наложила на себя руки.

Зато мисс Бойкарга, слушая детское чтение, казалась почти счастливой. Дети бубнили длинные монологи, Антигона молила отдать ей тело брата для достойных похорон, потом

Гемон молил пощадить Антигону...

И тут открылась дверь. Явилась Ефимия Трулав. Опоздав на час с лишним.

Дверь, открываясь, громко закрипела. Как и все в школе Тузиталы для одаренных, трудных и странных детей, она была старая и нуждалась в ремонте – или хотя бы в хорошей смазке. Класс затих. Максимильтян громко сглотнул. Врана молча подсунула под себя ладошки, всей душой надеясь, что стала невидимкой, и все равно боялась, что её заметят. Вольф посмотрел на часы. Если предстоящий скандал затянется надолго, ему больше не придется читать эту нудную пьесу, и можно будет подумать о подготовке к уроку физвоспитания и о тренировке психической устойчивости. Тренер младшей команды регбистов Брюс давеча много чего наговорил о психической устойчивости Вольфа, и звучало это малопривлекательно.

Молчание невыносимо затянулось, хотя в реальности прошло всего несколько секунд. Оно было нарушено громким металлическим КАП – капля упала в жестяное ведро, стоявшее рядом с Максимильтяном. И ещё один кап... и ещё. Дождь. Потолок протекает, как обычно.

– Вам что-то нужно? – обратилась мисс Бойкарга к Эффи.

– Простите, что я опоздала, – начала та. – Мне немножко... – Эффи вдруг поняла, что сейчас заплачет. Все смотрели на неё.

– Немножко? – подбодрила мисс Бойкарга. – Трудно было

вылезти из постели?

– Нет, я... – начала Эффи и вдруг поняла, что не хочет ничего говорить про дедушку перед всем классом. Это слишком личное. К тому же мисс Бойкарга всегда запрещает жаловаться и оправдываться. И вообще, в таких случаях полагается приносить записку от родителей, а у Эффи записки не было.

– Ну, на самом деле... да. Извините. Проспала.

– У тебя нет БУДИЛЬНИКА?

– Есть, но...

– Он, наверное, сломался?

– Да, наверное, пора сменить батарейки.

– Интересно. Однако мы знаем, что есть другая причина, не так ли, дети?

Класс замер. Надо отвечать? Но миссис Бойкарга Хайд продолжала:

– Мы слышали о БОЛЬНОМ дедушке!

Максимильян ахнул. Только не это! Это *он* виноват!

– Просто поразительно, сколько бабушек и дедушек бывает у некоторых детей. В моей прежней школе у одного несчастного их набралось СЕМНАДЦАТЬ. И каждый умирал, когда надо было делать домашнее задание. Подумайте, дети! СЕМНАДЦАТЬ.

Все подумали, кроме Враны, которая пыталась набросить заклинание невидимости на Эффи, и Вольфа, который гадал, возможно ли в такой ситуации сохранить психическую

устойчивость.

– Что, – продолжала мисс Бойкарга, – как вы, думаю, согласитесь, подразумевает по меньшей мере ТРИНАДЦАТЬ случаев отступления от истины. Иными словами, ВРАНЬЯ.

Эффи смотрела в пол. В глазах у неё стояли слезы. А вдруг она не выдержит и разрыдается перед всем классом? Тогда жизнь, в сущности, кончена. Сунув руку в карман, Эффи нащупала дедушкино кольцо. На душе полегчало. Прибавилось сил. Она нацепила его на большой палец левой руки. Прикосновение согрело её, как большая тарелка каши зимним утром.

Снова громкое КАП в жестяное ведро.

– Ну? – произнесла миссис Бойкарга Хайд.

– Перестаньте! – вдруг вырвалось у Максимильяна. Это был всего лишь громкий шепот, но от этих слов мальчику почему-то стало легче, и он повторил громко: – Перестаньте!

По классу прошло эхо. Кто-то посмел заговорить! Этот жалкий мальчишка. Тупица. Двоечник.

Миссис Бойкарга Хайд медленно обернулась к нему. Эффи шмыгнула на свое место и постаралась стать как можно незаметнее. Бедный Максимильян дрожал – мисс Бойкарга приближалась к нему.

– Ну... – заговорила она. – Ну-ну. Что же это у нас? Гемон в дурацком колпаке умоляет пощадить его Антигону. Заступается за маленькую подружку? Может быть, за *невесту*? – она нахмурилась. – Какая верность! Какое бесстрашие. В та-

ком явно неполноценном, социально обреченном человеке. Я восхищена твоей отвагой. Да, восхищена. Настолько, что назначаю ОДИН ДЕНЬ после уроков вместо недели. И твоей перепуганной приятельнице тоже. Оба явитесь в мой кабинет к четверем. Максимильтян и Ефимия. Звучит почти пошекспировски. «О, Максимильтян, Максимильтян!..» Ну, посидите вместе в запертом чулане, а там посмотрим, как расцветает ваша трагическая любовь.

Где-то в темном коридоре старик-директор прозвонил в колокольчик, что означало – давно пора! – конец урока. Все, кроме разве что Эффи, покидали класс с ощущением, что кое-чему научились, но вряд ли тому, чему положено учиться в школе, по мнению властей и остальных взрослых. Эффи искала взглядом Максимильтяна, чтобы поблагодарить, но тот от смущения сбежал в раздевалку, готовится к паре по физвоспитанию. Его ещё ни разу не оставляли после уроков. Он немного волновался.

* * *

Вольф Рид обожал регби. Чувствовать зажатый под мышкой мяч, бегать, бить ногой, подныривать... По-настоящему он в жизни любил только регби. Нет, он с удовольствием занимался и другими видами спорта, но тренер Брюс всегда говорил, что любой спорт – просто подготовка к регби.

Больше всего Вольфу нравились пассы, когда мяч, враща-

сь в воздухе, несется к цели, и вот...

Шмяк!

Максимильян плюхнулся в грязь. Снова.

Преподаватель физкультуры мистер Питерс дунул в свисток.

– Рид, – в третий раз выкрикнул он, – предупреждаю!

– О чем, сэр?

Максимильяна поставили в команду Вольфа, потому что если бы он был в другой команде, Вольф, пожалуй, еще убил бы его, перехватывая мяч, а игрокам младшего возраста это строго запрещалось. Честно говоря, в действиях Вольфа не было ничего личного. Это было неизбежно, потому что Вольф был лучшим игроком в своем классе, а Максимильян – худшим. Вот мистер Питерс и свел их вместе, но теперь Вольф передавал мяч с такой силой, что сбивал с ног товарища по команде.

– Все в порядке, сэр, – сказал Максимильян, протирая от грязи очки. – Честно.

Но пять минут спустя все повторилось.

– Так, – решил мистер Питерс, – вы оба, марш внутрь! Можете поиграть в теннис. С меня хватит.

– Но, сэр! – взмолился Вольф. – Так нечестно!

И пробормотал себе под нос пару отборных словечек.

– Вперед. Сейчас же. А ты... – учитель указал на Вольфа, – останешься после уроков. На площадке не ругаются.

Это было откровенное вранье, поскольку на всех спортив-

ных площадках по всей стране бранились все, от детей и их родителей до профессиональных игроков. И все же правила есть правила.

* * *

В теннисном зале происходило что-то странное – впрочем, тут это было обычным делом, ведь теннисный зал всегда был странным местом, но на сей раз произошло нечто из ряда вон выходящее, что привлекло внимание тренера Брюса.

Тренер Брюс оказался в зале примерно по той же причине, что и Вольф (хотя Вольф там ещё не оказался – в этот момент они с Максимильяном молча брели под дождем через спортивную площадку на заднем дворе, где сейчас паслись сердитые альпаки – кто-то разрабатывал проект «Ферма в городе»). И тренер Брюс, и Вольф Рид, по мнению мистера Питерса, относились к регби слишком серьезно. Выпусти их вдвоем на площадку для регби, и они убьют или покалечат таких, как Максимилян – медлительных и беспомощных. Официальные тренировки младшей команды – дело иное. Кого там убьют на официальных тренировках, мистера Питерса не касалось. Его дело – следить, чтоб не было жертв на уроках физвоспитания.

Крытый зал для тенниса был выстроен на пожертвования мальчика, который давным-давно учился в школе Тузиталы для одаренных, трудных и странных, а потом стал

знаменитым теннисистом. Денег, которые прислали его родственники, хватило на строительство, но не на обслуживание, так что сейчас он был таким же облупленным, как вся школа. От мерцания оранжевых ламп у детей болели головы, а на третьем корте водились привидения. В кладовке валялись старые, «убитые» теннисные мячи и сломанные теннисные пушки, укутанные в несколько слоев зеленой упаковочной ваты. Большая подъемная дверь в кладовую, наподобие гаражной, воображала себя гильотиной и всегда грозила упасть на голову без предупреждения. Когда тренеру Брюсу приходилось за чем-нибудь отлучиться, ученики подбивали друг друга проскочить под этой гильотиной. От её удара можно было и умереть. А если она падала, закрыв тебя внутри, можно было навсегда остаться гнить в кладовке. Игра была жутковатая, но увлекательная.

Так вот, в этом теннисном зале сейчас творились странные дела, каких раньше не бывало.

Ефимия Трулав, мечтательная девочка, которая, хоть и играла на боковой линии в команде по нетболу, никогда не увлекалась спортом, вдруг показала себя настоящей теннисисткой. Она обыграла всех одноклассниц и теперь перешла к соперникам-мальчикам. Кажется, она сама себе удивлялась, но заметно было, что Эффи это нравится.

Тренер Брюс заподозрил жульничество – например, допинг, а к этому он относился очень серьезно, хотя с какой стати неприметной одиннадцатилетней девочке принимать

стимуляторы перед рядовым уроком физвоспитания в обычный дождливый октябрьский день? Это было бы глупо. Тренер Брюс выставил против неё ещё одного мальчика, но тот ушел с корта чуть не плача, потому что после одной из подач Эффи у него на бедре остался синяк.

– Я с ней не играю, сэр, – сказал мальчик. – Она психованная.

В этот момент и вошли Максимильтян с Вольфом – промокшие и раздосадованные.

– Ага, – обрадовался при виде Вольфа тренер Брюс. – Хорошо.

Максимильтяну нашли партнера и отправили играть на первом корте. Остальным велели упражняться на втором. А на третьем корте...

– Так, – сказал тренер Брюс, – разберемся, что происходит.

Он поставил против Эффи Вольфа. Обычно Вольфа Рида к девочкам и близко не подпускали, даже к самым крепким и даже в тех видах спорта, где девочки играли вместе с мальчиками. Его и мальчишки-то боялись, не то что девочки. Но эту девочку нужно было проучить (чтобы не задирала нос), а для этого Вольф Рид подходил как нельзя лучше. В теннис он играл похуже, чем в регби, но все же был чемпионом среди первоклассников, а может, и среди всех младших классов.

Возможно, водившиеся на корте привидения и не имели отношения к тому, что произошло дальше. И Вольфа, и Эф-

фи, едва они изготовились к игре, окружило странное зеленоватое сияние, а ракетки в их руках казались древним и грозным оружием.

Максимильяну почудилось, будто эти двое удивительно похожи на сошедшихся в схватке воинов или героев. Непонятно и по-своему красиво. Призрачная аура над третьим кортом превратила его в поле битвы, окутанное предрассветным туманом. На поле разминались два великих бойца. Поддачи Эффи выглядели ударами великанши, а Вольф всю игру провел словно на космическом боксерском ринге. Происходило что-то очень странное, а что именно, никто не понимал. Но все, ахая и изумляясь, глазели, как никогда не отличавшаяся спортивной прытью Эффи выигрывает у Вольфа Рида в теннис.

После игры тренер Брюс подошел к Эффи с бутылочкой в руках.

– Пописаешь в неё, – велел он, – и смотри, чтоб подружка за тебя не писала.

У тренера Брюса имелся знакомый в министерстве науки, у которого было хобби – делать анализы на допинг, поэтому тренер и был всегда уверен, что его юные спортсмены «чисты». Теперь он решил присмотреться к Эффи и включить ее в девичью команду – но только если она не принимала допинг.

День час от часу становился все удивительнее.

6

В четыре часа дня Максимильтян Андервуд, Эффи Трулав и Вольф Рид явились в кабинет мисс Бойкарги Хайд, которая оставила их после уроков. Максимильтян все ещё немного волновался. Он думал о том, что отбыв это наказание, мог бы вечером попросить маму купить ему контактные линзы, и, может быть, попробовать накачать мускулы, поднимая гантели, а ещё, пожалуй, перестать первым тянуть руку на уроках. Ему казалось, что это наказание может стать первым шагом к тому, чтобы стать... скажем шепотом – крутым. Или хотя бы не таким отстойным. Или как это теперь принято называть.

После уроков обычно оставляли на тридцать пять минут в обшарпанном, но ещё пригодном к использованию классе рядом с кабинетом директора. Задания бывали разными. Случалось, что пожилой директор слабым голосом читал детям свои любимые рассказы Роберта Льюиса Стивенсона. В таких случаях наказание получалась почти приятным, хотя после особенно волнующих мест старичок, волоча ноги, выходил из класса, объяснив, что ему пора принять лекарство, – и либо не возвращался, либо, вернувшись, забывал, где читал, и начинал с начала. (Самые озорные ученики, вполне вероятно, наизусть помнили начало «Дьявольской бутылки», но вряд ли кто из них знал, чем кончается

рассказ.)

Но чаще ответственный за наказания учитель просто давал детям тему сочинения. Обычно что-то вроде: «Зачем нужны правила?» или «К каким проблемам во взрослой жизни ведет непослушание?».

У мисс Бойкарги Хайд был свой подход. Вместо сочинений она назначала «строки», полагая, что бесконечное повторение какой-то идеи оказывает более сильное психологическое влияние на ребенка и несет меньше рисков – по крайней мере, если говорить об основах дисциплины, – чем самостоятельное мышление. В других ситуациях миссис Хайд была яркой сторонницей самостоятельного мышления, но оставленным после уроков оно не полагалось.

А еще она действительно любила запира́ть наказанных в чулане уборщицы.

И вот в пять минут пятого, в этот очень дождливый понедельник, Максимильтян, Вольф и Эффи очутились в школьном подвале, в старом, пыльном чулане давно скончавшегося зрителя. Там пахло дурацкими колпаками (как мы уже знаем, они пахнут плесенью идохлыми мышами), мокрыми промокашками, скипидаром, засохшими чернилами и древними пауками. Перед ними стояла довольно устрашающая задача.

– На всех... – едва скрывая улыбку, говорила мисс Бойкарга, – да, *на всех*... Ха, мне это нравится! Вы можете выбрать верность и взаимопомощь или, что гораздо интерес-

нее, предательство и страдания. Вы втроем шестьсот раз напишете следующие строки: «Я буду всегда слушаться старших и...» Впрочем... Нет, погодите. Нам ни к чему, чтобы вы вышли из школьных стен с привычкой слишком внимательно прислушиваться к регулировщикам движения и дуракам-политикам. Х-м-м... – она задумалась на минуту. – Вы шестьсот раз напишете: «Я всегда буду уважать мнение тех, чей интеллект превосходит мой». Так. И слово «интеллект» чтобы всюду было написано без ошибок. Напишете шестьсот раз, подсунете листки под дверь, и я вас выпущу.

Чулан на самом деле больше походил на тесную комнатку без окон, тускло освещенную единственной старой лампой дневного света. В её потрескавшемся пластмассовом абажуре скопились, наверно, тысячи мертвых мошек. Были и свечи на случай потемнения. Эффи села в рассохшееся деревянное кресло у стола, а Максимильтян напротив, на забрызганный краской табурет. Вольф плюхнулся на пол и прислонился к стене возле треснувшей фарфоровой раковины. Миссис Бойкарга Хайд повернула ключ в тяжелом старом замке, после чего ушла выпить чашечку чая «Эрл Грей» и взять из учительской сегодняшнюю газету, где печатались лучшие загадочные кроссворды.

Эффи достала перо и бумагу и задумалась, как пишется «интеллект» – через «те» или через «ти». Максимильтян наверняка знал. Но Максимильтян вытащил свой калькулятор и усердно шелкал клавишами.

– Давайте уже начинать? – предложила Эффи. – Мне к пяти часам надо кое-куда успеть. Это очень важ...

– Тс-с! – перебил Максимильтян.

– Одолжит мне кто-нибудь ручку? – спросил Вольф. – А кстати, и бумагу.

– Тс-с, – повторил Максимильтян.

Вольф с Эффи переглянулись. С какой стати этот зануда на них цыкает? И что он себе вообразил, возится с калькулятором, когда...

– Я серьезно, мне надо отсюда выбраться до без четверти пять, – сказал Вольф. – Давайте уже начнем?

– Каждому по двести раз, – сосчитала Эффи. – Так?

– Только если кто-нибудь одолжит мне ручку, – сказал Вольф.

– У Максимильтяна наверняка есть запасная, – сказала Эффи.

– А кто пишет быстрее всех? – спросил Вольф. – Может, пусть он больше напишет?

Максимильтян бормотал:

– Шестьсот строк. Скажем, пятнадцать секунд на каждую, если писать быстро, и по двадцать, если медленно. Значит, тому, кто пишет медленно, на шестьсот строк понадобилось бы шестьсот умножить на двадцать, а это... – он сглотнул, – двенадцать тысяч секунд, то есть двести минут, то есть три часа двадцать минут. Но нас трое, и если работать быстро, мы можем справиться меньше чем за час, если писать без

перерыва и...

Но сейчас почти четверть пятого.

– Не выйдем мы отсюда к пяти, – объявил Максимилиан. – Это математически невозможно. Даже если у меня найдется запасная ручка для Вольфа, и если мы будем писать быстро, и я напишу больше других, потому что пишу быстрее всех, все равно не справимся раньше половины шестого.

Вольф выругался.

– Но у меня работа! Дядя ждет к пяти.

– Да, – подхватила Эффи, – а мне надо встретиться с папой. Навести порядок в дедушкиной квартире и...

Она так и не придумала, как спасти дедушкины книги. Эффи вдруг почувствовала, что очень устала. Голова гудела, после тенниса ныли все мышцы. На протяжении всего часа, проведенного на теннисном корте, она чувствовала себя непобедимой и забыла обо всем плохом в жизни, даже о том, как она грустит по дедушке. Это было невероятно и весьма таинственно. Эффи понятия не имела, откуда что взялось, но она чувствовала себя такой сильной, даже всемогущей. Она стала легкой, быстрой, ловкой. Вольф ещё не успевал ударить, а она уже знала, куда отскочит мяч. И куда его отбить.

Что бы это значило? Как она могла за одно утро стать такой хорошей теннисисткой? Может, это оттого, что ушла без завтрака? Кайт иногда говорила, что натошак чувствует себя сильнее. Но с точки зрения науки это абсурд... Эффи зев-

нула. Покрутила серебряное кольцо, надетое на большой палец. От усталости голова её стала клониться к столу, и...

– Эффи, не спи! – Максимильтян ткнул её в плечо.

Она с трудом подняла голову.

– Прости. Я просто так...

Голова снова упала.

– Только не это! – сказал Максимильтян, хотя в душе надеялся: что-то случится, и они ещё много часов проведут в чулане вместе с Эффи и Вольфом – самыми интересными из его одноклассников. – Что будем делать?

– Надо бежать! – Вольф встал.

Эффи от усталости едва могла поднять голову. Максимильтян встал (потому что Вольф выдернул из-под него табуретку) и с изумлением уставился на Вольфа, который озирался в поисках выхода. Он взобрался на табурет и принялся простукивать стены и потолок.

О том, чтобы выйти через дверь, конечно, и думать не приходилось. За дверью сидит миссис Бойкарга, попивает чаек и разгадывает кроссворд. Других дверей и окон в чулане не было. Однако Вольф довольно скоро обнаружил в потолке панель, которую, вроде бы, можно было вынуть, если подцепить угол чем-нибудь острым. Он попробовал линейку, но её край не пролезал в зазор. Лучше всего подошел бы какой-нибудь маленький ножик, хотя такие вещи в школу носить не полагалось...

Эффи клевала носом, но все же видела, чем занят Вольф,

и понимала, что ему нужно. Что там... там... ещё бы голова работала как следует! У неё в ранце... да, в ранце есть что-то подходящее, только она не помнит что. Ах да, нож для конвертов. Дедушкин нож. Он довольно острый. Эффи показала Максимильтяну на ранец, и тот, кажется, понял, раскрыл его.

– Нож для конвертов, – едва успела выговорить Эффи, как её накрыл крепкий, почти сказочный, сон.

Максимильтян нашел нож – и ещё несколько любопытных и смутно знакомых вещей – в мешочке на дне ранца. Вскрыватель конвертов был сделан в виде миниатюрного кинжала и оказался довольно тяжелым для своих скромных размеров. Мальчик восхищенно осмотрел изящную костяную ручку и вставленные в ножны красные камушки.

– Вот, – обратился он к Вольфу, – попробуй этим.

Вольф слез с табуретки и протянул руку за ножом. Может быть, у Максимильтяна разыгралось воображение, но он услышал резкий треск и увидел в воздухе искру, похожую на крошечную молнию. А потом случилось невероятное. Едва Вольф коснулся ножа, снова раздался резкий треск и сверкнула еще более яркая вспышка. Комната наполнилась потрескиванием и вспышками, послышался утрашающий гул, словно вокруг разгулялась буря. Потом на несколько секунд стало совсем темно.

Когда зажегся свет, в руках обомлевшего Вольфа оказался настоящий большой меч.

Эффи даже не проснулась.

– Ты... ты... – Максимильяна била дрожь.

Вольф разглядывал меч.

– Как это?..

Он не знал, что говорить и что делать. Ни о чем не думая, извлек клинок из ножен. Просто не удержался. Теперь он ещё больше напоминал древнего... древнего...

– Воин! – воскликнул Максимильян. – Ты самый настоящий воин! Вот что значит магия! Это же... просто не могу поверить... Хотя, увеличившись, он стал немножко похож на меч Предназначения, но действует он как... по-моему, это меч Орфенния...

Вольф не отрывал глаз от меча. Он впервые видел такой острый, такой гладкий, такой прекрасный клинок. Его вдруг охватило удивительное желание: защитить спящую Эффи и даже этого дурачка Максимильяна. Узким, острым, трепещущим острием этого великолепного оружия он небрежно подковырнул панель, и она отвалилась, открыв давно забытый люк, ведущий в старый служебный коридор. Не зная, что делать дальше, Вольф пару раз разрезал воздух клинком. Приятно было слышать, как посвистывал меч. Он может все, дойдет до любой цели, станет храбрым, верным и... Но это же безумие! Вольф спрятал клинок в ножны и опустил на стол. Меч мгновенно съежился, превратившись в ножик для конвертов.

– Кто меня одурманил? – накинулся он на Максисильяна. – Как вы умудрились?

Тренер Брюс всех заразил своей допингофобией. Других объяснений происходящему Вольф не находил. И раньше, с теннисом... Наверняка там тоже дело в наркотиках. Безобразия!

Максимильян его не слушал. Он стягивал перстень с пальца Эффи.

– Это она, да? – спросил Вольф. – Она подсунула нам наркотики и...

– Ты мне не поможешь? – перебил Максимильян. – Пожалуйста!

– Что я скажу тренеру Брюсу? Если он узнает, что...

– Пожалуйста, поторопись, – попросил Максимильян.

– Зачем?

– Затем, что она, по-моему, умирает.

– Что?

Желание защитить Эффи у Вольфа не совсем пропало, хоть он и отложил меч.

– Что мне делать?

– У тебя есть конфета или шоколадка?

– Ещё чего! – возмутился Вольф. – Я спортсмен!

– Может, напиток для спортсменов? «Люкоза» или что-нибудь в этом роде.

– Такой подойдет? – на заработанные у дяди деньги Вольф купил пару бутылочек «Сбрось вес» специально для спортсменов. Честно говоря, коктейль ему не понравился, и отдавать его было совсем не жалко. Максимильян прочитал со-

став.

– Нет, в нем нет ничего питательного. Нужно что-нибудь сладкое или фрукт какой-нибудь.

Вольф ещё раз заглянул в свой ранец. Где-то у него завалялась бутылочка нормального напитка для спортсменов. Пока он его искал, Максимильтян наконец стянул кольцо с большого пальца Эффи. Девочка сразу открыла глаза, но по-прежнему выглядела очень слабенькой.

– Выпей! – Максимильтян сунул ей врученную Вольфом бутылочку.

Напиток был ярким, оранжевым, сладким и шипучим. Сделав глоток-другой, Эффи села прямо.

– Что случилось? – спросила она. – Зачем ты взял мое кольцо?

– Не надевай его больше, – посоветовал Максимильтян. – Хотя бы какое-то время.

– Почему это? Оно мне нравится. Я хочу его надеть. – Эффи протянула ладошку, требуя отдать ей кольцо. Но Максимильтян не отдавал.

– Ты с ума сошла? Это же волшебное кольцо. Должна понимать, нет? Если ты носишь его, то должна знать, как оно действует и чем за это расплачиваешься. Об этом написано в любом фэнтезийном романе.

– Ты серьезно? Уверен?

Максимильтян помолчал, пожевал губу. И положил кольцо на стол. Эффи его забрала, но не надела.

– Где ты все это взяла? – спросил у неё Максимильтян. – Меч Орфенния, кольцо Бог Весть Чего, и, если не ошибаюсь, Очки Познания, и ещё... В общем, в твоём ранце больше волшебных вещей, чем в величайших коллекциях мира – этого мира уж наверняка. Откуда они у тебя?

– О чем ты? – спросили одновременно Вольф и Эффи.

– Вольф, – попросил Максимильтян, – покажи Эффи меч Орфенния.

Вольф взял со стола ножик для конвертов и вытащил его из ножен. На глазах у Эффи крошечный клинок увеличился раз в двадцать. Вольф со свистом взмахнул мечом. Огромным, сверкающим и, вне всякого сомнения, волшебным-преволшебным.

– Мне это снится, – проговорила Эффи, качая головой.

– Я все равно думаю, что это наркотики, – сказал Вольф и, вложив меч в ножны, вернул его на стол, где тот тут же снова сжался.

Эффи подошла к столу и взяла ножик для конвертов. Ничего особенного. Она вытащила его из серебряных ножен. Притупленное лезвие – в самый раз вскрывать письма без риска порезаться.

– Надо быть воином, – объяснил Максимильтян. – Меч Орфенния открывается только истинным воинам. Для остальных он просто тупой ножик. Совершенно безобидный. А в руках истинного воина он смертоносен. Орфенний был великим воином Иномирья. Он...

Вольф уже не слышал, что говорит Максимильтян, он думал о том, что все это значит. Быть воином ему хотелось

бы, хоть он и не верил, что так бывает. Наверняка это какой-то фокус, только непонятно, как они это провернули. Но на один миг он позволил себе помечтать. Вольф Рид, стоя на вершине холма в чем-то вроде туники... нет, это глупо, лучше в крутой футболке и боевых поножах и, пожалуй, новых кроссовках, и своим волшебным мечом защищал народ, сражаясь на стороне армии, отстаивающей добро и благородство, и это была не война, а битва за мир. Откуда у него такие мысли?

– Откуда ты все это знаешь? – спросила у Максимильяна Эффи. – И что у меня за кольцо?

– Про твое кольцо я, признаться, почти ничего не знаю. С волшебными кольцами вечно сложности. В теннис ты сегодня всех обыграла, потому что кольцо, понятное дело, дало тебе силу, а может, и другие способности – но, похоже, оно при этом вытягивало из тебя энергию. Не сними ты его, я не уверен, что ты... – Максимильян сглотнул. – Не уверен, что ты проснулась бы.

– Откуда ты все это знаешь? – вслед за Эффи повторил Вольф.

– Читал, – ответил Максимильян. – Пока остальные занимались спортом, заводили друзей, таскались по магазинам и гуляли, я читал. Вот что я делал. Накапливал знания. Так и думал, что когда-нибудь пригодятся.

– Но где обо всем этом можно прочитать? – не поверила Эффи. – В обычных книгах ничего такого не найдешь.

О таком не писала даже Лорель Уайльд. В её книгах дети просто размахивали руками, и получались чудеса. Иногда варили что-то в котлах. У них не бывало проблем с волшебными кольцами.

Эффи в который раз подумала, как мало знала о дедушке и его жизни. Конечно, она видела, как он прячет вещи в потайной ящичек, но понятия не имела, что эти вещи волшебные. А теперь... У неё сжалось сердце. Как ей не хватает дедушки! И не только потому, что она его очень любила, но и потому, что он оставил столько вопросов без ответов.

– Отовсюду понемногу, – уклончиво ответил Максимильтян. – У меня есть небольшая коллекция довольно редких документов и памфлетов – из тусклой сети. Я коллекционирую такие...

– Из *тусклой* сети? – перебила Эффи.

– Это закрытая система, её создавали для сбора бюллетеней при голосовании. Вроде старой темной сети, но ею в основном пользуются знатоки магии, фольклора и вымирающих искусств. Надо знать номер, чтобы выйти через модем. А уж тогда работает чётко, и...

Эффи глянула на часы. Все это очень хорошо, но как же дедушкины книги? Она и так чуть не потеряла его вещи, и смотрите-ка, какими они оказались необыкновенными. Теперь было еще важнее спасти библиотеку, но как?

Вольф подтащил к обнаруженному им люку стремянку. Трое детей – первым Вольф, за ним Эффи и Максимильтян –

протиснулись наверх, в служебный коридор. Там было тесно и темно, зато можно было встать во весь рост. На деревянной полке нашлись свечи, спички и гасильник. Каждый зажег по свече и в их мягком мерцающем свете дети двинулись вперед. На пути то и дело попадались маленькие деревянные люки с крошечными оконцами и старинными деревянными лесенками. Должно быть, именно отсюда слуги раньше попадали в дом, задолго до того, как он стал школой, и бесшумно и незаметно делали свою работу. Дети прошли большую столовую с блестящими полированными полами и темными деревянными столами, потом прачечную, потом кабинет директора. И наконец, по ступенькам спустились к деревянной двери, которая, видимо, вела на улицу.

Дверь была заперта.

Эффи схватилась за голову.

– Ой, нет!

На часах было без десяти пять. Она ещё успела бы добежать до дедушкиного дома, если бы здесь было открыто. Но судя по виду двери, открываться она не собиралась. Под большой медной ручкой темнела большая замочная скважина – а ключа не было. Они осмотрели все вокруг, но ключа не нашли. Должно быть, дверь заперли снаружи.

– Меч, – сообразил Максимильтян. Но понял, что не выйдет. Вольфу здесь было бы не размахнуться. Эффи в отчаянии навалилась на дверь. Это было смешно (тем более, что дверь открывалась внутрь), но она помнила, какой сильной

себя чувствовала, играя в теннис. Сейчас бы хоть долю той силы. Может быть...

– А если попробовать кольцо? – обратилась она к Максимилиану.

Тот пожал плечами.

– Попробуй. Но... боюсь, сил у тебя не хватит.

Эффи надела кольцо. Опять то же теплое, чудесное чувство. Все мышцы напряглись, в них бурлила энергия. Казалось, она сейчас могла бы поднять целый автобус или разбежаться так быстро, что взлетела бы, или... Но в этот раз силы хватило ненадолго. Очень скоро она почувствовала усталость, и кольцо пришлось снять.

– А если я попробую? – вызвался Вольф. Эффи неохотно отдала ему кольцо. Вольфу оно пришлось на средний палец. Но, едва надев его, мальчик позеленел и осел на пол – у него подкосились ноги.

– Мне плохо, – пробормотал он. – И... уфф! Просто ужас. Он стянул кольцо, и все прошло.

– Эти вещи, – начал Максимилиан – так называемые подмоги, работают с вашей врожденной силой. Их не каждый может использовать. Нужно, чтобы они вам подходили. Они точно подгоняются под...

– И выйти они нам никак не помогут? – спросил Вольф. Эффи хотелось плакать. Что же им делать?

– Эффи, – спросил её Максимилиан, – ты не будешь против, если я попробую ещё одну вещь из твоего ранца?

– Делай, что хочешь, – отозвалась девочка. На часах было без пяти пять, и она уже почти не надеялась вовремя успеть к дедушкиному дому. – Только скорее!

Максимильян заглянул в мешочек. Мягкий футляр для очков из мягкой красной кожи, потертой за долгие столетия. Максимильян открыл его – это были они.

Очки Познания. Кто бы мог подумать, что они существуют не только в мифах и преданиях?

Впрочем, Максимильян уже понял, что в фольклоре и мифах очень много правды, так что нечего и удивляться. А он удивлялся. Удивлялся так, что дух захватывало, и... Пусть меч в его руках не сработал, и с кольцом тоже вряд ли получится. Но вот это... вот они... может быть?..

Он осторожно извлек очки из футляра. Стеклышки очень старые, тонкие, и так чисто протерты, что кажутся прозрачнее воздуха. Оправа из старинного серебра немного потемнела, но если протереть тут и там серебряной тканью... Максимильян надел очки. Осмотрелся в темном тупичке и...

Да, он не ошибся. Все переменялось. Теперь Максимильян видел сквозь стены и полы первоначальный план здания, который накладывался на видимую обстановку. Очки наложили на все, что он видел, изображение того, что ему хотелось бы знать, и ещё добавили компас, термометр и множество фактов из истории места, где он находился.

И ещё – доступ к словарям с полным переводом со всех языков, включая магические, – и полную подписку на Циф-

ровую Библиотеку Тайн, выход в которую через тусклую сеть стоил сотни крублей. И ещё он видел колонки жизненно важных статистических данных по Эффи и Вольфу. У Эффи запас энергии был все еще опасно низок...

– Ух ты! – вслух сказал он.

Вольф с Эффи переглянулись. Ботаник в новеньких очках блаженно сиял, словно его конфетой угостили, но им-то надо было выбираться отсюда, а он...

– Дайте мне нож для конвертов, – властно попросил Максимилиан. – Не ты, Вольф! Ты к нему не прикасайся. Спасибо, Эффи. Так, посмотрим. Латунный врезной замок производства 1898 года. Ага, вижу. Если нажать вот здесь, а здесь повернуть, и достать вот до этого рычажка, то...

Врезной замок открылся с громким, внушительным щелчком, и Максимилиан, повернув дверную ручку, потянул на себя тяжелую дверь.

За ней открылась мокрая булыжная мостовая, которая огибала школу Тузиталы для одаренных, трудных и странных. Где-то часы пробили пять. Они были свободны. Но неужели Эффи уже опоздала?

Вольф, бросив короткое «пока», рванулся бежать. Эффи забрала у Максимилиана очки – в конце концов, это её вещь – и вместе с ножом спрятала в ранец. Ей хотелось снова использовать кольцо, чтобы оно помогло ей поскорее добраться, но слабость и усталость наверняка не дали бы ей воспользоваться силой подмоги. Поэтому она просто поспеши-

ла под морозящим вечерним дождем, гадая, что ждет её дома у бабушки. Максимилиан предлагал проводить, помочь, но ей сейчас хотелось побыть одной.

– Эффи, – начал Максимилиан, труся следом за ней.

– Что?

– Подожди...

– Не могу. Мне надо... – Эффи хотелось, чтобы он отстал.

Но потом она вспомнила, что это именно мама Максимилиана сегодня утром догоняла её, чтобы отдать кольцо. Именно она, сестра Андервуд, была так добра к бабушке, когда он лежал в больнице. И, если бы не Максимилиан с его знаниями, она бы не выбралась из школы. А если бы он не снял с неё кольцо, она бы уже умерла.

– Мой дедушка, – стала объяснять Эффи. – Он... ну, он умер и оставил мне библиотеку. Но отец говорит, нам некуда девать книги, поэтому приедут из дома призрения и... Дедушка мне и вещи оставил, вот эти волшебные вещи – «подмоги», как ты их назвал, а я... сейчас некогда объяснять, но я должна спасти библиотеку.

– Наверное, полную волшебных книг, – тяжело пыхтя, предположил Максимилиан. – Конечно, ее нужно спасать. Особенно если твой дед...

Его последние слова заглушил раскат грома.

– Ладно, давай со мной. Только скорее, – сказала Эффи.

И они шли под дождем – длинноволосая девочка в накидке цвета бутылочного стекла в сопровождении тяжело ды-

шавшего полноватого мальчика, и оба даже не догадывались, что судьбы их отныне навеки связаны.

8

Перед старым Пасторским домом стояли люди. Вид у них был недовольный.

– Утром вызову слесаря, – говорил отец Эффи лысому мужчине в ярко-синем синтетическом костюме. Это и есть человек из дома призрения? Наверно, да. Вид у него был очень раздраженный.

– Мои клиенты не любят, чтобы их заставляли ждать, – сказал он.

– Я не люблю, когда меня заставляют ждать, – согласился третий собеседник высоким холодным голосом.

За спиной человека из дома призрения стоял мальчик в школьной форме. Вольф!

– Ага... – Оруэлл Форзац обернулся, услышав скрип чугунных ворот и хруст гравия под ногами Эффи и Максимильяна. – Может быть, моя блудная дочь прольет свет на таинственную пропажу ключа?

Эффи насупилась. Она не любила, когда отец при чужих говорил с ней таким тоном, словно она не живой человек, а персонаж из книжки.

– Что за пропажа ключа? – спросила она.

– Это ты, – спросил Оруэлл, – спрятала ключ, и поэтому мы не можем войти и вынести книги, которые принадлежат теперь вот этому человеку? Ты или не ты?

– Какому человеку?

Мужчина, говоривший высоким холодным голосом, выступил из тени и протянул Эффи тонкую морщинистую ладонь.

– Леонард Левар, – представился он, растягивая каждую Л в своем имени. – Букинист. Ты, полагаю, и есть законная владелица одной из книг моей новой библиотеки. Я, конечно, рассчитывал купить её целиком, как уже объяснил твоему отцу, и надеюсь, мы сможем договориться относительно последней книги...

– Ты о чем? – обратилась Эффи к отцу, как будто никакого Леонарда Левара здесь не было. – Это мои книги, а про ключ я ничего не знаю. Ты его последним держал в руках...

– Я прошу прощения за свою дочь...

– А ты говорил: «Хлам в кожаных переплетах»! Как видно, вообще это не хлам. Сколько он тебе за них заплатил? За мои книги?

– Ефимия Трулав, прошу не грубить!

– Я уже сказал, что готов выкупить у девочки её книгу, – вмешался Леонард Левар. – Сколько ты за неё хочешь, детка?

– Не соглашайся, – шепнул из-за спины Максимильтян. – Оставь книгу себе.

– Все книги мои, – заявила Эффи, – и вы их не купите.

Человек из дома призрения взглянул на часы и зазвенел большой связкой ключей.

– С дверью я хоть сейчас справлюсь, – сказал он. – Вот, племянник мне поможет.

Вольф выглядел явно смущенным и под гневным взглядом Эффи покраснел и отвернулся.

– В этом нет необходимости, – возразил Оруэлл Форзац. – Эффи?

– Сказала же, нет у меня твоего дурацкого ключа, – огрызнулась она.

Отец зло взглянул на неё, подошел и вцепился ей в плечо. Он утащил дочь к изгороди, где теоретически их разговор никто не должен был слышать. Максимильтян сделал несколько шагов в их сторону, чтобы не упустить ничего важного.

– Отдай ключ! – зашипел Оруэлл. – Слушай, да, я говорил, что книги ничего не стоят, я действительно так думал, но когда этот человек предложил мне за них деньги, я, естественно, согласился. Нам, Ефимия, очень повезло, что человек из дома призрения работает на Леонарда Левара, иначе нам пришлось бы просто выбросить все эти книги. Оказывается, квартиру твой дед снимал внаем, и её надо освободить к следующему четвергу или оплатить аренду ещё за месяц. Когда-то верхний этаж принадлежал ему и должен был перейти к нам по наследству, но оказалось, что он в прошлом году продал жилье – наверняка ради своих нелепых фантазий. Мистер Левар предлагает за эти книги очень щедрое вознаграждение. С этими деньгами мы сможем купить новый дом,

где у тебя будет отдельная спальня. Если ты сейчас же отдашь мне ключ, я сумею договориться с мистером Леваром. Может быть, он оставит тебе даже пять книг. В конце концов, все они одинаковы, и...

– Нет у меня ключа, – сквозь зубы процедила Эффи. Отец больно стиснул ей плечо и оттолкнул от себя.

– Я нечаянно подслушал, – заговорил Леонард Левар. – Если девочка намерена разбить коллекцию, я отзываю свое предложение. Я, кажется, ясно высказался, что меня интересует только библиотека целиком.

– Да, конечно, – поспешно согласился Оруэлл. – Я, как вам известно, обещал одну книгу дочери, но уверен, что она, когда поймет, что иначе нельзя, отдаст вам все.

В это время бипнул пейджер человека из дома призрения.

– Надеюсь, ещё одно хорошее известие? – поинтересовался Леонард Левар.

– Да. Слесарь нашелся. Будет здесь через пять минут.

– Прекрасно, – выдохнул Левар.

Эффи оглянуться не успела, как слесарь вскрыл замок и большая деревянная дверь, шелкнув, отворилась. Вольф с человеком из дома призрения вошли внутрь, вместе с Оруэллом Форзацем застелили лестницы чехлами от пыли и стали выносить коробки, полные книг, из библиотеки Гриффина Трулава. Эффи даже видеть этого не могла. Вольф все время прятался от её взгляда. Она-то считала его другом, но, как видно, ошиблась!

Вольф со своим ужасным дядюшкой ходили вверх-вниз по лестнице и очень скоро доверху загрузили фургон бесценными дедушкиными книгами. Щелкнула, закрывшись, металлическая дверца кузова. Слесарь захлопнул дверь дома, и старый замок встал на свое место. Леонард Левар неторопливо подошел к Эффи.

– Вот тебе двадцать фунтов, – сказал он, протягивая ей влажную купюру. – За последнюю книгу. Конечно, она уже у меня, раз я вывожу всю коллекцию, но я, как видишь, держу слово.

– Не нужны мне ваши деньги, – отвернулась Эффи. – Мне нужны книги.

– Эффи, – шепнул Максимильтян, – возьми.

– Ага, – обрадовался Леонард Левар, – хорошо. Здравомыслящий молодой человек. Возьмите деньги от имени вашей подруги и будем считать сделку завершенной.

Максимильтян протянул руку и взял двадцать фунтов.

– Пригодятся, – сказал он, когда Леонард Левар сел в маленький старый автомобиль и уехал вслед за фургоном. – Вот увидишь.

– Поверить не могу, что мои книги увезли, – сквозь слезы проговорила Эффи.

– Мы их вернем, – заверил Максимильтян.

– Да? Как?

Дождь прошел, но было все так же холодно. Вот если бы мисс Дора Райт не уехала на юг, или что там с ней случилось!

Тогда Эффи было бы с кем поговорить, а так никого нет. Кроме Максимильяна, но он ведь тоже ещё ребенок, как и она.

К ним подошел отец Эффи.

– Ладно, – сказал он. – Мне нужно вернуться в университет на собрание, но Кайт приготовит тебе обед. – Он посмотрел на часы. – Я, пожалуй, ещё успею подбросить тебя домой, если поедем прямо сейчас, но...

– Никуда я с тобой не поеду! – отрезала Эффи.

Оруэлл вздохнул.

– Не понимаю, зачем ты все так усложняешь. Впрочем, как хочешь. Потом поговорим.

И он ушел.

Эффи присела на оградку под живой изгородью. Ей хотелось плакать. Максимильян не знал, чем ей помочь. Не мог же он обнять ее. Это было бы... Просто она девочка, и это было бы неправильно. Он никогда ещё не обнимал девочек – ему даже в голову не приходило. Ему еще нужно дорасти до этого. Он сел рядом с Эффи и стал думать, что ей сказать.

Тут-то к ним и подбежал кролик. Он осмотрелся по сторонам и вроде бы стал щипать траву. Только щипал он странно, как будто рот у него был уже занят, поэтому он просто притворялся, будто щиплет траву, а сам тем временем то и дело косился на детей.

Максимильяна заинтересовало, что это он делает. Он никогда не видел более подозрительного кролика. По правде

говоря, он вообще никогда не видел подозрительных кроликов. По улице за оградой проехала машина, её фары осветили мокрую мостовую. Потом на минуту все затихло. Кролик, немножко похожий на сновидение, прыгнул к ногам Эффи и уронил что-то на траву. И замер в ожидании.

Максимильян толкнул девочку локтем.

– Что это?

– Где?

– Кролик тебе что-то принес.

Эффи утерла глаза и взглянула. У ее ног лежал ключ от парадной двери дедушкиного дома. Она подняла его и вытерла о школьную накидку.

Кролик с надеждой посмотрел на нее.

– Ну, ты немножко опоздал, – упрекнула Эффи.

Кролик опечалился. Он не угодил ребенку с особенной аурой!

Эффи заметила, как огорченно кривится его мордочка, как дергается нос, и поняла, что он сейчас расплачется. Конечно, кролики не плачут как люди, но испытывают те же чувства.

– Ой, нет! – воскликнула она. – Я... извини, бедненький кролик. Я хотела сказать: спасибо! Конечно, если бы ты раньше принес ключ, мой отец попал бы в дом без помощи слесаря, и мне бы тогда уже не вернуться в дедушкину квартиру. А теперь, хоть книги и увезли, я могу войти и посмотреть, не осталось ли что-нибудь мне на память, и как следует по-

прощаться с воспоминаниями о том, как я у него гостила. Ты чудесный, добрый кролик! Спасибо тебе!

Разве в реальном мире кролики так себя ведут?

Только с теми, в ком много волшебства.

Максимильян вместе с Эффи вошел в старый Пасторский дом и поднялся по лестнице. Приходской священник продал здание много лет назад, и с тех пор его разделили на две большие квартиры. Нижняя тихо ждала возвращения мисс Доры Райт. В её прихожей безвольно висел на крючке одинокий плащ и сиротливо стоял в стойке забытый зонтик. Все здесь немножко запылилось, а с потолка свисала большая паутина. Зато толстые восточные ковры напоминали о домашнем уюте и комфорте. На стенах висели картины, а на маленьких столиках были расставлены лампадки из цветной керамики.

Владения Гриффина Трулава начинались на втором этаже. Маленькая кухонька, столовая и большая гостиная, уставленная стеклянными шкапами, все так же забытыми разными интересными памятками о путешествиях и приключениях. В этих комнатах все было знакомо Эффи – она после миротрясения чуть не каждый день здесь бывала. А вот Максимильян не верил своим глазам.

Он изумленно глазел на странные предметы в шкафах – так же смотрела на них когда-то и маленькая Эффи. Стены были увешаны географическими картами, рисунками мифических созданий и бесконечными зелеными пейзажами. Старая крепкая мебель была подобрана случайно. Красный ди-

ван, желтое кресло, бирюзовая кушетка и кофейный столик из незнакомого Максимильяну очень темного дерева.

– Ух ты! – восхитился он. – Твой дедушка и вправду здесь жил?

– Да, – Эффи вздохнула и прошла по комнате, погладив мимоходом любимое дедушкино кресло. – Я, наверно, больше сюда не вернусь. Не знаю даже, что мне делать.

– А твой дедушка правда был Гриффин Трулав? – продолжал Максимильян. – В смысле – *тот самый* Гриффин Трулав?

Эффи пожала плечами, не понимая, что он имеет в виду.
– Наверно, да.

Она проверила, нет ли в дедушкином письменном столе других тайников. Может быть, она раньше чего-то не замечала? Хотя дедушка, наверно, позаботился, чтобы все важное внучка получила, но все же... Запустив руку за большой ящик в левой тумбе, она нащупала защелку, о которой не подозревала. Как только Эффи её сдвинула, маленький ящичек выдвинулся вперед между большими ящиками.

В нём лежали три письма: два с одинаковыми золотыми штемпелями и одно без. Все были адресованы Гриффину Трулаву. Эффи просмотрела одно. От какой-то Гильдии Мастеров – как видно, это их золотой штампель – с сообщением, что ему на пять лет воспрещается применение магии. Дата – почти сразу после миротрясения. Значит, дедушка не шутил.

Второй конверт с золотым штемпелем прислали недавно. «В вашей заявке на звание волшебника отказано». На третьем конверте не было ни штемпеля, ни адреса, ни подписи. Два слова: «Ты поплатишься». Это походило на угрозу. Эффи спрятала третий конверт в карман накидки.

– Ух ты! – повторил Максимильтян, понюхав благовония из коробочки. – А библиотека где?

– Наверху. Там теперь, наверно, пусто. Не уверена, что я смогу...

– Пойдем, – решил Максимильтян. – Хоть попрощаешься.

Они вместе поднялись по деревянной лестнице, вошли в черную дверь с окошком из синего стекла и полированной костяной ручкой. Вот она. Комната, полная книжных полок без единой книги. Что может быть печальнее для любителя книг! Каждая полка хранит память о книгах, которые на ней когда-то жили. Кое-где дерево выгорело вокруг стоявших томов, в других местах они были отмечены полосками пыли.

Казалось, сами полки вздыхают и вздрагивают, тревожась, куда подевались их жильцы и когда вернуться.

Эхо детских шагов отражалось от стен комнаты, когда они вдвоем медленно обходили опустевшее книгохранилище.

– Жутко здесь, – сказала Эффи. – Мне не нравится.

– Можно тебя кое о чем спросить? – начал Максимильтян.

– О чем?

Эффи погладила одну полку.

– Как ты думаешь, твой дедушка знал, что все вот так слу-

чится?

– Ты о чем?

– Ну, мог он предвидеть, что твой отец захочет продать книги? Сумел же он устроить, чтобы волшебные вещи достались тебе. Он не оставил тебе какие-то инструкции, не говорил, что делать?

Эффи решила пока не рассказывать Максимильтяну, что вещи попали к ней случайно – что у неё и кольца бы не было, если бы его мама её не догнала.

– Он оставил кодициль. Но отец его забрал и уничтожил. Я...

Максимильтян неловко помялся.

– А ты не думаешь, что дедушка мог что-нибудь для тебя спрятать? Что-нибудь важное?

– Например, что?

– Не знаю. Может быть... А если воспользоваться очками?..

Снова надеть очки Максимильтяну хотелось с той минуты, как он их снял. Это желание было сродни ноющей боли или голоду. Он столько раз читал про эти или такие же очки, но примерить их даже не мечтал. Однажды он прочитал, что люди пытались создать такие же, но цифровые, а не магические, однако попытка не удалась. Цифровым было далеко до волшебных очков с их возможностями.

Эффи достала из ранца старые дедушкины очки. Ей сразу вспомнился дедушка в этих очках, и опять захотелось пла-

кать, потому что он умер и с ним никогда уже больше не поговорить. Сначала Эффи сама надела их – в первый раз, чтобы проверить, что в них видно, но мир просто расплылся, как всегда бывает, когда меряешь чужие очки. И ещё ей показалось, что мозги у неё чуточку перекосились.

– Ничего не вижу, – призналась она, снимая очки. – Ты вроде бы говорил, что они волшебные и дают тебе какую-то особую силу?

– Так и есть, – ответил Максимильтян. – Но, как я говорил, нужно самому иметь подходящие способности: внутренний потенциал – иначе они не сработают. Дай мне.

Максимильтян надел очки. Да, все видно, и даже яснее прежнего. Энергетический уровень Эффи составлял примерно половину обычного – это хорошо. Были ещё какие-то показания, не понятные мальчику. С ними пришлось бы долго разбираться. Максимильтян никому бы не признался, но в душе он обрадовался, что Эффи в очках ничего не увидела. И радовался, что видит сам: значит, он и в самом деле настоящий ученый.

Максимильтян не раз читал, что каждый человек обладает какой-то врожденной магической способностью, оставшейся с тех пор, когда мир был более волшебным, – и каждый раз он надеялся, что окажется не воином, не магом и не целителем, а ученым. Пожалуй, в первый раз в жизни он почувствовал себя незаурядным человеком. Мало того – он был нужен Эффи. Нужен, чтобы рассказать о том, что увидел.

– Ну что? – спросила она.

– Все как раньше. Энергии у тебя стало намного больше, но надо бы тебе поскорее поесть. Гм... ну, да, в очках эти комнаты ещё интереснее. Я вижу, какие книжки на каких полках стояли – это пригодится, когда мы будем их возвращать. Правда, я ещё не знаю, как за это взяться...

– А какие-нибудь тайники ты высмотрел?

– Не спеши, – сняв очки, Максимильтян протер их найденной в футляре тряпочкой. – Так-то лучше. Ты их захватала пальцами. Хорошо, давай посмотрим. За полками ничего не спрятано, под полками тоже, и над потолком... Ага! Вижу! Вон там, под столом, съёмная дощечка. Думаю, под ней что-то есть.

Эффи опустилась на колени и отковырнула паркетину. Да, под ней кое-что было. Коричневый свёрток, прямоугольный, как книга. Значит, одна книга ей все-таки достанется? На ощупь пакет оказался и мягким, и твердым. Эффи встала, забыв даже отряхнуть колени.

– Разворачивай уже! – поторопил Максимильтян.

Эффи снова захотелось остаться одной. Но без Максимильтяна она не нашла бы свертка, так что пришлось разворачивать у него на глазах. Внутри был слой пузырчатой пленки, потом оберточной бумаги и ещё раз пузырьки, и ещё бумага, потом слой простой ткани, а затем – шелковой. Она как будто в одиночку играла в «Передай посылку».

Последний слой Эффи разворачивала очень осторожно.

Вот оно! Светло-зеленая твердая обложка с золотыми буквами заглавия. «Драконий луг». В книге триста страниц, на вид она очень старая и в то же время новая, как ни разу не читанный антикварный том. Обложка в идеальном состоянии, листы до сих пор белые и хрустящие. Открыв книгу, Эффи увидела надпись, сделанную рукой дедушки его любимыми синими чернилами.

«Ефимиш Седецим Трулав, последней читательнице этой книги».

Почему-то от этой надписи у Эффи мурашки побежали по коже. Значит, дедушка хранил эту книгу специально для неё. Ну, конечно! Он же говорил ей искать Драконий луг. Но откуда он мог знать, что она будет последней читательницей? Как это понимать? И почему он так запрятал подарок и никак не облегчил ей поиски? Не сказал, где его найти? Это ведь Эффи случайно повезло, что её оставили после уроков с мальчиком, которому подходят очки. Тут дело даже не в магическом мышлении – совершенная случайность.

Внизу вдруг послышался шум. Заскребли металлом по металлу, потом зажужжала дрель. Видно, кто-то пришел, чтобы поменять замок. Эффи с Максимилианом на цыпочках спустились по лестнице и подошли поближе, чтобы все слышать.

– Да, приятель, – Эффи сразу узнала ворчливый голос. – Вывезем всё завтра утром. В девять часов, приятель. Сегодня замки, завтра вещи.

Это вернулся человек из дома призрения.

Вот, значит, как! Сегодня у неё последний шанс спасти что-то из дедушкиных вещей. Но что взять? Гриффин уже устроил так, чтобы самое важное, волшебное и ценное, она получила. Не считая только книг, которые забрал Леонард Левар. Кроме только этой, «Драконий луг», которую Эффи чуть не упустила.

Под звук дрели Эффи обошла гостиную, последний раз рассматривая картины, глобусы и карты. Черная книга! – вдруг вспомнилось ей. – Та, с которой не расставался Гриффин, занимаясь переводами. Для него она была особенно важной. Где же она?

На письменном столе книги не оказалось, не было и на столике у кресла для чтения. Эффи вспомнилась так и не решенная задачка на магическое мышление. Дедушка чаще всего пользовался тремя лампочками... Верхним светом в библиотеке, лампой рядом с креслом и ещё в винном шкафу. А ведь он довольно редко пил вино. Может, была другая причина так часто включать там свет?

Эффи прошла на кухню и открыла шкаф. И там, за пыльной бутылкой Помероля, лежала черная книга. Раз Гриффин её спрятал, значит, это важная книга. Эффи положила книгу в ранец.

Вернувшись в большую гостиную, она пересмотрела все сувениры и артефакты. В её ранец поместилась бы ещё пара небольших предметов. Максимильтян разглядывал карты

и схемы на стенах. Эффи готова была уже спросить у него, что ей взять, – ведь он, как видно, кое-что смыслил в таких вещах. Очки он не снимал. На мгновение Эффи стало досадно, что те ей не подходят и она не может увидеть того же, что и он.

И тут её взгляд зацепился за подсвечник, который лежал отдельно от других, на его серебряной поверхности виднелся такой же орнамент из драконов и такой же красный камень, как и на ее перстне. Эффи взяла его и прихватила ещё несколько свечей. Потом вернулась на кухню и достала из шкафа последние две банки варенья из тернослива. Дедушка варил его сам и всегда давал внучке по ложечке от ушибов и огорчений.

Грустно вздохнув, Эффи готовилась окончательно покинуть эту комнату. Максимильян отдал ей очки, и она спрятала их в ранец. Когда звук дрели смолк, Эффи с Максимильяном тихо спустились по лестнице. Эффи боялась, что они не смогут выйти, но, к счастью, слесарь поставил замок, открывавшийся изнутри без ключа, и, убедившись, что снаружи никого нет, они открыли дверь и бросились бежать.

Они бежали обратно к Старому городу. Дождь все шел, было темно и так холодно, что изо рта шел пар.

– Уже поздно, – сказал Максимильян. – Мне надо домой. С тобой ничего не случится?

– Доберусь, – ответила Эффи и прикусила губу. – Ты не просто так говорил?

– О чем?

– Про «вернуть книги»?

Это было сказано, когда на нем были очки. В них Максимилиан чувствовал себя немножко храбрее. И все же он это сказал. Мальчик кивнул.

– Потому что, если ты не просто так говорил, – продолжала Эффи, – и если вправду собираешься мне помочь, по-моему, они тебе пригодятся, – она достала из ранца очки. – Возьми их домой. Если сумеешь, изучи. Узнай... не знаю что. Разузнай про Леонарда Левара и его книжную лавку. Может, мы сумеем в неё забраться. И ещё, если мы добудем книги, нам нужно будет где-то их хранить.

У Максимилиана сердце прыгало в груди как заводной заяц. Не только от того, что ему оставили чудесные, волшебные очки – ну, хотя бы на время. Сердце у него рвалось из груди каждый раз, когда Эффи повторяла «мы», «нам». Впервые у него появился друг, настоящий друг, и он ни за что её не подведет.

Ну, больше не подведет.

Максимилиан сморгнул свою страшную тайну и ушел в холодную дождливую темноту с твердой решимостью сделать все возможное, чтобы помочь своему новому другу.

Эффи вышла из автобуса, где всегда – рядом с большой треугольной лужайкой, когда-то бывшей деревенским пастбищем. В канаве на краю луга догнивало бревно, служившее в старину майским деревом. Некогда веселая таверна «Черная свинья» теперь была закрыта, окна и двери её просели под тяжестью сознания, что время их прошло, что никогда больше им не дарить света, тепла и приюта путникам и местным жителям, которые приходили сюда выкурить трубку, выпить эля и отведать пирога с крольчатинной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.